

ПЕТР ИНГВИН

ЗИМНЯЯ

КНИГА 5

Как я был невестором

16+

Петр Ингвин
Зимопись. Книга пятая.
Как я был невестором
Серия «Зимопись», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33170006
SelfPub; 2022*

Аннотация

«Вы находитесь в святая святых сестыря. Здесь из мальчиков делают мужчин, а из мужчин – мужей. Здесь плохие становятся хорошими, хорошие – лучшими, а лучшие – незаменимыми. Если у человека были пороки, они останутся здесь, если мозг тронула невидимая гнильца, ее уберут, если была червоточинка – ее вскроют и вычистят. Когда ворота откроются вновь, новые люди взглянут на новый мир новыми глазами». Тома вздохнула: «Но мне нравятся именно эти»... (Дизайнер обложки Галина Николаиди.)

Содержание

Часть первая. Проводник	4
Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	81
Глава 8	107
Глава 9	117
Часть вторая. Соответствие	121
Глава 1	121
Глава 2	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Петр Ингвин

Зимопись. Книга пятая.

Как я был невестором

Часть первая. Проводник

Глава 1

За триста лет до Иисуса (так договорились между собой современные историки) Экклезиаст назвал все суетой сует. Но любовь к Богу он все же вывел за рамки. Позже Иоанн сформулировал обширнее: «Бог есть любовь». Красиво сформулировал. Проникновенно. Мудро. Никто и не спорит. А если посмотреть с другой стороны: можно ли тогда считать правдой обратное, то есть, что любовь – это и есть Бог?

Здесь сознание впадает в ступор. Начинает возражать. Отвлекаться. Потом – дерзить. Впрочем, с тем, что жизнь без любви – это ад, разум соглашается легко. И соглашаются все. Потому что в таком аду люди живут. Работают. Создают семьи. Размножаются. Мучаются и мучают. Ищут новые варианты. Ищут смысл жизни. Ищут счастье.

А надо искать – любовь.

Мы с Юлианом сидели связанными у разворошенных постелей, и кроме мыслей о высоком в висках стучало: дела еще не столь плохи, чтобы рассчитывать на улучшение. Мы живы. Пока. И безоблачно здоровы. У нас остались мечты и надежды. Судьбе еще есть над чем посмеяться. Как гласит закон Мерфи, если дела идут хуже некуда, скоро они пойдут еще хуже. А следствие Фарнсдика добавляет: после поворота событий от плохого к худшему цикл повторится.

Я помню еще одну формулировку: предоставленные сами себе, события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему. Выбираю этот вариант. Главные слова – «предоставленные сами себе». Значит, у человека действующего остается шанс.

Томе едва не отрезали голову, когда я не смог сделать выбор. А кто бы смог, да еще – быстро? На вопрос «счастье или жизнь» любой вменяемый человек знает ответ, но как же трудно высказать его вслух.

В миг перед окончательным движением меча я замотал головой. Зарина вздохнула и отвернулась. После короткого совещания Тому одели и увели, а мы с Юлианом так и остались со связанными руками-ногами ждать неизвестно чего.

Тома вернулась под утро. Она с кряхтением вылезла из щели в стене, с халата и волос сыпалась земля, пахнувшая червями и сыростью. Тома перерезала связывавшие нас веревки и вынула кляпы, и некоторое время мы втроем просто

сидели, обнявшись.

– Скоро расскажу вам удивительную историю, – тихо сказала Тома. – Сейчас не могу. Дело даже не в этом, – ее взгляд указующе пробежался по стенам, – просто я дала слово. После завтрака пойдем выгулять зверей и поболтаем, о чем получится.

Едва мы успели привести себя и нервы в порядок, как слуги принесли умывание, после чего нас пригласили на завтрак. Шатровый городок за ночь исчез. Визит царицы закончился без уведомлений – все точки расставлены, планы озвучены. Осталось вплести в них свои. Сначала их предстояло составить — с учетом новых обстоятельств я не был готов бросить все, чтобы ехать в неведомый невесторий. Сейчас нужно найти Зарину, иначе никто не заставит меня сделать и шага.

– Чичан, – напомнил я Томе, когда мы втроем сидели за столом в обеденном зале, а вокруг суетились слуги.

Дядя Люсик, чтобы не мешать молодежи, не навязывался к нам в компанию. Если серьезного повода не было, он предпочитал завтракать отдельно. Сейчас повод был, но дядя Люсик об этом не догадывался. А жаль, мудрый совет (к которому, честно говоря, я все равно не прислушаюсь) не помешал бы – пусть просто в качестве информации к размышлению. Голову переполняли мысли, едва удерживавшие на лавке, чтобы не вскочить и не бежать на поиски единственного нужного мне человека.

– Чичан, – повторил я имя слуги, к которому у меня имелась пара судьбоносных вопросов. – Надо позвать его. Желательно, сейчас же, чтобы не получилось как с бойником Титом.

– Не надо тебе разговаривать с Чичаном. – В глазах Тома мелькнуло что-то непонятное – то ли печаль, то ли страх, то ли усталость. – Я сама отвечу на все вопросы.

Пришлось ждать прогулки. Со зверьем на привязи мы отъехали от поселка, и только тогда Тома рискнула заговорить. Несколько сопровождавших конных бойников держали круговую оборону, Юлиан беспокойно оглядывался, а блиставшая короной на шлеме новоявленная царисса удивляла спокойствием.

– Больше не будет покушений, – сообщила она тихо.

А ее взор, старательно отводимый в сторону, погрузнел. Или чего-то стыдился?

– Где она? – спросил я.

Не требовалось уточнять кто.

– Она признала за мной право на вотчину и ушла. Сказала, что больше мы ее не увидим.

– Вы разговаривали? – Надежда на моем лице прожила недолго, разбившись об угрюмость выражения на лице Тома.

– Нет. Дорофей долго уговаривал Зарину поступить со мной по закону, как он его понимал. Зарина отказалась. Она пожелала мне счастья и приказала доставить меня обратно в

башню. Больше нам ничего не угрожает.

– Значит, Зарина не узнала, что мы с тобой родственники?

Тома молча развела руками.

– Мне нужно ее найти. – Судьба висела на волоске, я не мог тупо сидеть и болтать на посторонние темы. И вообще чем-нибудь заниматься. – Они не могли уйти далеко. Если мы разделимся и вместе начнем поиски...

– Если мы начнем поиски, соглашение отменится, и Доррофей получит в отношении нас карт-бланш. Не надо поисков. Я дала слово, что никто не бросится вдогонку.

– Ты не имела права! И... у тебя же был кляп?

– Меня спросили, я кивнула, – пояснила Тома.

– А я слова не давал.

Поводья вздернулись, конь повернул, и я помчался с Пивкой в поля. Мутный мир расплылся в глазах и щипал, стекая по щекам, сердце одеревенело. Я механически направлял удивленно оглядывавшуюся человолчицу, конь куда-то нес, позади слышался топот копыт отправленного вдогонку бойника. Топот не приближался, значит сопровождающий отправлен следить, чтоб я не натворил чего-нибудь. А что он сделает, если натворю? Какой у него приказ на такой случай?

Взбрыкивать не хотелось. Хотелось умереть.

Куда ехать, где и как искать? Просто расширять круги по спирали? Это надежно, но очень долго. Выбранная Зариной прямая дорога уведет ее далеко, пока моя спираль обнаружит хоть какие-нибудь следы.

Стоп. Прочь, эмоции, убейтесь, чувства. Извилины, свистать всех наверх! Где может находиться база заговорщиков, которые мечтали свергнуть самозванку? Не в чужих же краях. Куда помещали нас с Юлианом, когда поймали? Под землю. Кстати, не очень далеко отсюда – где-то между башней и деревней, куда мы вышли с царевнами. Деревня... черт ее дери, я даже название не спросил. Деревню можно найти по отношению к горам, если смотреть с возвышенности. Найду, что дальше? Как обнаружить подземное убежище, которое, несомненно, прекрасно замаскировано?

Человеку найти трудно, а зверю – легко. Если Пиявке и Шарику как-то дать понять, что искать... Но как?!

Думай, голова. Наверняка есть что-то, какая-то деталь, о которой я забыл. Чего-то не учел. Надо посоветоваться с дядей Люстиком. Его мозги плюс моя интуиция – чудесная пара.

Я направил коня в башню. Когда меня и Юлиана поймали, нас доставили в неизвестное место где-то неподалеку, и с Деметрией мы были тоже в скрытом замке где-то в этих местах, когда двигались лесами к башне Варфоломеи. Все крутится вокруг башни, все тайны и загадки либо в ней, либо неподалеку. Значит, и отгадки здесь же!

Тома с Юлианом влетели в ворота башни практически следом за мной.

– Добрик! – заорал я.

Дворецкий привычно соткался из воздуха, хотя его только что не было.

– Слушаю.

– На землях Западной границы есть скрытые замки?

– Что есть?

– Крепости, – поправился я. – Или просто башни. Какие-то древние сооружения, от которых остались только фундаменты.

– Что осталось?

– Камни на месте бывших стен.

– Два таких места.

– Далеко?!

– В самой глуши. Плохие места. Раньше там исчезали люди, сейчас их погибшие души плачут ночами и зовут всех, кто услышит. Крестьяне перестали селиться поблизости.

– Можешь показать на карте?

– На чем?

Боже, дай мне терпения.

– Гляди. – Я начертил на полу большой круг. – Это вотчина Западной границы. Вот река, которая Большая вода. – На пол лег нож. – Это горы. – Под углом от него я положил меч. – А это – башня, в которой мы сейчас разговариваем. – Центр композиции занял мой шлем. – В каком районе искать твои камни?

– Где-то здесь. – Добрик ткнул пальцем чуть левее от гор и башни, в другую сторону от реки.

Примерно так я и предполагал.

– Туда несколько часов добираться, и лошадь не везде

придет, – сообщил Добрик, преданно глядя на следившую за нами хозяйку.

– Теперь зови Чичана, – потребовал я.

Из дворецкого словно позвоночник вынули.

– Я мог бы сопроводить сам, если царисса Тома не возражает.

– Бывал? – насторожился я.

– Проезжал мимо, когда везли в крепость и обратно. С дороги уходила тропа, мне объяснили, что там находится знаменитое недоброе место. Но я таких мест не боюсь, недобрыми бывают не места, а люди.

– Золотые слова. Поехали.

Добрик не шевельнулся. Огромные глаза ждали решения хозяйки.

– Я не могу разрешить. – Тома смотрела виновато и чутьточку жалобно, словно ждала утешений. – Нельзя.

Я пожал плечами и направился к коню.

– Сам справлюсь.

– Я не могу тебя отпустить и не имею права никого послать с тобой.

– Я не спрашиваю. – Тома почти вешалась мне на руку, и я рывком высвободил локоть. – И ничего не прошу. Если будешь мешать... Не доводи до греха. Когда ты влюбилась в Юлиана и стала делать странные вещи – я принял.

– Не сразу! – втиснула Тома, борясь одновременно с собой и со мной.

Юлиан молча краснел, он держался позади, но в пределах досягаемости – собирался защищать Тому, если что-то пойдет не так. Защищать от меня.

– Да, не сразу, но. – Я взлетел на коня, кожа седла скрипнула, ножны ударились о круп. – Мой случай намного проще. Прошу, пока не случилось непоправимое – прикажи открыть ворота.

Створки задвинули, как только мы оказались внутри, теперь слуги издали следили за разговором. Не будь здесь Тома, меня послушались бы и беспрепятственно выпустили. Сейчас главной была она.

– Подожди. Давай посоветуемся с дядей Люстиком. Дობрик, попроси папринция спуститься.

– Не надо гонять пожилого человека по этажам. Тебе требуется совет – сходи сама. Мне совет не нужен, я знаю, что делать. Посмотри мне в глаза. Видишь, сейчас, в этот миг, решается не только моя, но и твоя судьба. Как только я вытащу меч...

Тома отпрянула. До нее, наконец, дошло, что неповиновение официального невестора цариссе – не только наше личное дело.

Вот и ладненько.

Глава 2

Мы отправились вместе. Тома задумчиво теребила поводья. Она боялась нарушить некое обещание, но еще больше боялась, что я устрою что-то безобразное и невыносимое в нашей подвешенной ситуации.

И ведь устрою, если передо мной встанут препятствия. Вернее, если мне их поставят.

Дорогу показывал Добрик. Почти не покидавший башню, сейчас он радовался всему – лесу, полям, пыли, которую прибивал к земле мелкий дождь, просто отсутствию стен и каменной мощи над головой. В седле он держался неплохо, меч на боку, подвешенный по случаю выезда, выглядел органично, тяжелый доспех и шлем не мешали. С оружием смазливый парень стал даже чуточку мужественным. Юлиан, тоже неплохо освоивший коня и в доспехах выглядевший во много раз внушительнее, на него не глядел. В глазах – смесь ревности и смирения. Тщательно сдерживаемая, ревность иногда прорывалась, тогда Юлиан отворачивался, не желая наблюдать за задумчиво-ощупывающим взглядом, которым Тома каждый раз окидывала дворецкого.

Помимо Добрика новоявленную цариссу сопровождало шестеро конных бойников с копьями и дубинами. Я знал, что несколько запасных мечей в башне есть, почему же не вооружить солдат как подобает? Или бойники – не солдаты,

благородное оружие им не полагается? Вроде бы, я видел их и с мечами, и с топорами...

Верховная царица упомянула, что войнику в испытании на соответствие надо победить в схватке всех бойников башни. Если бы бойники имели мечи и регулярно практиковались, вряд ли у войников остались бы шансы. Видимо, это и есть ответ: мечи бойникам взять можно, но такое не приветствуется. Хотя бы, чтоб не наживать врагов в войничьем сословии.

Моросило. Тома ежилась и недобро косилась на меня. Хорошо, что она молчала, а то б я ответил.

Пиявку теперь вел на длинном поводке Юлиан, а Шарик бежал в ногах Томиной кобылы. Зверью нравилось гулять. Пара часов размеренного бега – это, конечно, много, но никто не жаловался. Стучали копыта коней, наши зверюги с удовольствием перебирали лапами, километры утоптанного дорожного полотна один за другим оставались позади.

– Здесь. – Перед лесом Добрик указал в самую глушь. – Видите, дерево примечательное, зим сто назад в верхушку молния ударила.

Колонна втянулась под кроны, потеряв друг друга из виду. Я начал нервничать. И не только я. Чуть отставший Юлиан склонился к моему уху:

– Томе не могли солгать, что ей нечего бояться?

– Если слово дала Зарина, – глухо ответил я, – то ловушки не будет.

– А пройдохе-слуге можно доверять по-настоящему? – Юлиан указал взглядом на Добрика, в тот момент прокладывавшего путь между оврагом и непроходимой чащей.

Я пожал плечами. Никто не знает, что у дворецкого на уме.

Нервозность и напряжение не оставляли нас до последнего, под каждым кустом мерещился враг, за каждым деревом – стрелок или копьёметатель. Но стена леса пошла трещинами и обрушилась, вдали открылся знакомый вид.

На конях и по дороге получилось намного быстрее, чем в свое время с рыцарями пешком по лесам и буеракам. Мы выехали к знакомым развалинам. Даже развалинами не назвать, всего лишь утопленные в траве полосы фундамента, заросшие и раскрошившиеся от времени. Сколько лет-веков-тысячелетий они стоят здесь под солнцем и дождем? А если еще под ледниками и прочими потопами? Мне бы их память, цены бы мне не было.

Любопытно, а сейчас у меня есть цена?

Под удивленным взглядом проводника я целенаправленно двинулся в лесок, что образовался на месте бывшей центральной башни. Маскировавшие вход сухие коряги полетели в стороны, подключившийся Юлиан помог отвалить в сторону несколько неохватных валунов, и путь под землю открылся.

Дойдя до знакомого зала, я чуть сощурился, когда меня нагнал Добрик с факелом. Заплясали тени, мир перекошил-

ся, словно по нему попрыгал ребенок. Тишина нарушалась только шагами нашей компании.

За спиной дворецкого в окружении силуэтов охраны появилась Тома.

– Узнаешь? – Я показал на угол, в котором ей довелось лежать с «растягушкой и зашибом».

В то время случившиеся с нами события казались концом света, а положение, в которое мы попали, – верхом неприличия. На мою долю выпали безумные заботы по гигиене, кожа просто горела, руки не слушались, я с дрожью в коленях справлялся с выпавшей обязанностью, зная, что мои усилия – единственная возможность выжить. Затем мы попали в стаю, новая жизнь перевернула взгляд на мир, она убрала лишнее. Главное было простым: держаться вместе. Никто нам не поможет, кроме нас самих, и плевать на условности. И мы выжили.

Времена изменились. Тома радовалась вернувшемуся комфорту цивилизации, загребущие руки подминали все, до чего дотягивались. Теперь ей корона Верховной царицы покоя не давала. С моей точки зрения, Тома выше головы замахнулась. Ася рассказывала, что каждый, кто лезет наверх, однажды достигает потолка компетентности, но в своем честолюбии не замечает границы и делает лишний шаг. Грустный факт, но факт. Хотелось бы, чтоб о нем помнил не только я.

Тома скривила губы.

– Отсюда Борзой с компанией устроили нам... с погибшей Чапой долгие приключения.

Умница. А я едва не прокололся. У Добрика уши чуть не вывернулись, как у кошки. Расспрашивать о подробностях никто не решился, хотя история, несомненно, интересовала всех.

Так, срочно, для будущих оправданий: откуда я узнал про подземелье и Тому в нем? Вариант «а»: следил за людьми, когда вместе со стаей высматривал добычу. Собственно, варианта «б» не нужно, первый вполне подходит, позже надо согласовать его с Юлианом.

Правило выживания: «позже» может не наступить. Я сразу шепнул напарнику несколько слов, пока мы продвигались по брошенному людьми подземелью.

Здесь было пусто, хотя кто-то посещал его недавно: кострище засыпано землей, но запах выдавал недавнее пиршество.

– Надо посмотреть с высокой точки. – Я направился к выходу. – Может, успеем кого-то заметить.

Тома уже открыла рот для вступления в полемику: дескать, чего это я тут распоряжаюсь в ее высоком присутствии... К моему счастью ее опередили. Когда мы достигли выхода из подземелья, бойники, охранявшие вход и лошадей снаружи, среагировали на лай Шарика и вой Пиявки:

– Опасность!

Одновременно в них из леса полетели стрелы. Часовой в

проеме скатился внутрь, колпак свалился, глаза выпучились:

– Рыкцари!

Стрелы никому не причинили вреда, они воткнулись перед входом и вокруг нашего отряда. Противник обрисовал ситуацию: место пристреляно, лучше не рыпаться. Невидимые стрелки держали на прицеле бойников, мы все оказались в ловушке.

Юлиан вспыхнул:

– Я же говорил!

Желание выпустить из Добрика кишки и связать из них свитер настолько читалось на лице Юлиана, что Тома заслонила собой дворецкого:

– Нет! Это не те, кто нападал раньше, у меня же знамя снаружи!

– И что? – Я не видел связи.

Тома заупрямилась.

– Это другие. – Задрав лицо, она громко крикнула:– Здесь царисса Тома! А вы кто?

– Что вы забыли в местах, которые высокими сословиями давно забыты? – спросил снаружи строгий женский голос. – Молодость вспомнить решили?

– Кто со мной говорит? – напряглась Тома.

– Вы не очень обидитесь, если мы заберем коней, а вас немножко завалим камнями? И шкурки не попортим, и, пока откопаетесь, мы будем далеко.

– Узнала! – всколыхнулась Тома. – Это Грозна? Грозна

Святая?

– И я тебя помню, ангелочек. Что с того? У нас разные пути, но на этот раз мы пересеклись удачно. Отдай приказ сложить оружие, не играй чужими жизнями. Крови и так пролито слишком много.

– Именно. – В глазах Тома засветилась новая мысль. – Куда ты пойдешь, если отступники разбиты, твой отряд разгромлен, а места прежних лагерей известны царице и контролируются царберами? У меня к тебе предложение!

Повисло несколько секунд тишины.

– Говори, – донеслось снаружи.

– У меня есть титул, но нет семьи в широком смысле. Как ангелу, мне разрешено набрать ее самостоятельно. Официально предлагаю тебе войти в мою семью воиницей. Знаю, что в прошлом твое фамильное имя – Есенина, ты сестра цариссы Есении. Значит, ты царица. Царицы имеют право поступать воиницами в другие семьи.

– Тебя не смущает мое прошлое?

– Оно меня радует. Ни у кого из царисс нет и не будет бойца с такими стажем и опытом.

Круто. О чем-то похожем я тоже думал, но выговорить вслух... Потому Тома и Тома, что поступает как Тома, а не как Чапа. Такой Томе, которая даже в ситуации стресса оставалась собой, все удавалось, и все сходило с рук. Вот и флаг ей в те самые руки.

Новая пауза затянулась, словно подвешенным секундам

никак не могли перерезать веревку. Наконец, Грозна заговорила – ровно и задумчиво:

– Ты меня удивила. Я склонилась бы к твоему предложению, идти мне действительно некуда, а новый отряд набирать долго и опасно. К сожалению, откажусь. Со мной четыре человека, за которых я отвечаю.

Юлиан прошептал Томе:

– Для троих рыкцарей у тебя есть эта, как ее... анистия.

Надо же, в нем проснулся талант советника. Если и другие таланты пробудятся такими темпами, скоро за цариссиным столом мне не останется места.

Совет Юлиана был тактически правилен, но стратегически неверен. Трех разбойников можно взять войниками по амнистии, их начальницу – войницей как царевну, пусть и возникнут вопросы, связанные больше с моралью, чем с законом. Четвертого при желании можно спрятать. Но прятать опасно, поэтому оставшегося лучше переправить через гору в долину. Заодно поделимся новостями.

Все было бы замечательно, если забыть о Малике, которому тоже понадобится официальное прикрытие, когда он вернется для переправки в наш мир. Еще одну амнистию неплохо бы придержать на всякий случай. Последняя может пригодиться самой Грозне, если для властей ее прошлое окажется важнее происхождения.

Жаль, нельзя высказаться при всех. Я с тревогой глядел на Тому, а она, как видно, уже решила на какие-то действия.

– Мы можем поговорить? – обратилась она в нервно замершую пустоту.

– Выходи одна, без оружия. Поговорим.

– Рыкцарям верить нельзя! – заволновались бойники. – Разбойники никогда не держат слова!

– Не держат, если им выгодно его не держать, – успокоила Тома, только непонятно кого: охрану или себя. Она протянула мне меч и раздвинула бойников руками. – Пустите. Грозне выгодней моя дружба, а не смерть, сейчас ее слову можно верить.

Тома вышла наружу. Одновременно из лесной чащи появилась неуловимая разбойница. Высокая и поджарая, она на голову превышала Тому ростом и в полтора раза – шириной плеч. Привычное одеяние рыкцаря Грозна не сменила, несмотря на рыскавшие вокруг отряды царберов. И людей не бросила. Честь для нее имела не последнее значение. Тома приняла верное решение, такими людьми разбрасываться нельзя.

– Здравствуй, знаменитая Грозна Святая, приятно познакомиться лично. Жаль, что встречаемся в таких условиях, когда я на стороне победителей, а ты наоборот. Совсем недавно было иначе.

– Приветствую не менее знаменитую цариссу Тому, о которой ходят легенды. Мои подвиги ничто по сравнению с твоими, если верить слухам. Результат подвигов свидетельствует о том, кто более достоин похвал и народных востор-

гов. Ты на вершине, я в опале. Выходит, твои поступки для высших сил оказались нужнее.

Водянистые глаза и прямой нос, походивший на клюв, сурово уставились на юную хозяйку окрестностей. Лицо – в шрамах, светлые волосы забраны в хвост, спускавшийся на отороченный волчьим мехом ворот. Такой воротник выполнял роль бармицы и, частично, наспинника, ведь шлемов разбойники не признавали. Видавшие виды штаны заправлены в мягкие сапоги, кожаная сбруя облегалась рубаху. Несколько бронзовых блях, тоже несущих защитную функцию, соединяли ремни на небольшой высокой груди. С левого бедра свисал узкий меч в красивых ножнах, правое украшал кривой нож, за плечами торчал гнук в совмещенном с колчаном налучье.

В памяти всплыла история Грозны, из разных рассказов сложившаяся в общую картину. Грозна встала на путь разбоя из-за любви. Путь разбоя? Громко сказано. К разбою она пришла позже. Началось с подросткового отрицания догм, которые вдалбливают с детства без обсуждения. Взрослый мир категорически не нравился, и маленькая Грозна, носившая тогда другое, вполне аристократическое имя, сопротивлялась как могла. Характер способствовал. Девчонкой она умудрилась влюбиться в сестрата. Или в то время молодой человек еще не был сестратом? Хороший вопрос. Царисса Степаниа, ее мать, насильно выдала своенравную девицу за трех своих войников. После смерти Степании той

же крепкой рукой правила Есения, старшая сестра Грозны. Для Грозны ничего не изменилось – навязанная стандартная семья не устраивала, а в ответ на побег любимый человек был устранен. Грозна ушла в сестричество, но не нашла утешения. Вернее, утешение храмов еще больше настроило ее против насилия, что именуется устоявшимся порядком.

– Причина твоего отказа – четыре человека, за чьи судьбы ты несешь ответственность. Эта причина – единственная, или есть и другие?

– Твое предложение слишком хорошо звучит, чтобы быть правдой. И оно опасно для нас обеих. – Держа дистанцию, Грозна говорила с Томой не как с противником или жертвой, а как с равной. Уже хорошо. Такими темпами и до почтения рукой подать. – Моя репутация не вызовет восторгов и любви у тех, кого я раньше грабила или чьих родичей убила.

– Кого волнуют чьи-то восторги? Если врагов не мирить, войны не прекратятся. – Тома храбро глядела в глаза бывалой разбойнице. – Умелая воительница, ты принесешь больше пользы на страже порядка, чем продолжая грабить и убивать. Если кто-то не согласится с таким раскладом, он сам преступник.

– А как быть с законом «Я жесток и беспощаден с преступниками, ибо преступивший закон сознательно поставил себя вне общества – общество обязано ответить тем же»?

Серьезный довод.

– Сказано: «Победа – сплав опыта, ума, смекалки, воли и

подготовки. Недобор в любой из составляющих – смерть». – Тома улыбнулась. – Проявив смекалку, я заставила ум принять нужное решение, и у меня хватит воли, чтобы принять на службу твой опыт и подготовку и отстоять свое решение перед любым, кто посмеет спорить. У меня на службе ты станешь частью семьи. Семейное право гласит: «Не восставай на жизнь ближней своей». А также «Не мсти и не имей злобы на ближних своих». Ты станешь для всех такой ближней. Да постигнет кара разрушителей и да возрадутся созидатели. И да воздастся справедливым. Алле хвала!

– Алле хвала! – механически откликнулась Грозна давно забытой формулой.

Вздвогнув, она передернула плечами и посуровела:

– Все слишком красиво. Так не будет, потому что так не бывает. Тебе известна моя история?

– В общих чертах.

– Я боролась за право жить по собственным законам. Перейдя к тебе, мне вновь придется признать верховенство правил, которые я годами втоптывала в грязь.

Тома быстро оглянулась на нас и продолжила:

– Предлагаю сделку.

Она шагнула вперед. Дальнейшие переговоры велись шепотом, до нас не долетало ни одного разборчивого слова, мы видели только сам факт разговора. В какой-то момент Грозна кивнула, поднятая рука заставила четырех бойцов опустить гнуки и подойти к разговаривавшим. Бойники вокруг

меня заволновались, я успокоил:

– Опасности нет. Наоборот, теперь царисса станет намного сильнее. И все мы тоже.

Глава 3

Совмещенный отряд двигался по видимым лишь Добрику ориентирам. Грозна со своими людьми держалась позади, прикрывая тыл. Наша свита надеялась, что разбойники потихоньку сбегут, но те и не думали. Тома гордо восседала на коне, лицо цвело улыбкой. Я полюбопытствовал, о чем же они с Грозной договорились.

– Я сказала: «Ты присягнешь на верность и пойдешь служить войницей Тамариной. Я, в свою очередь, спасу тебя от казни – это раз, и разрешу жить по своим правилам, например, иметь одного мужа, и не буду возражать или вмешиваться. Это два. Главное, чтобы внешне все выглядело благопристойно». В общем, как у нас тобой.

– Ее такое устроило? – ответно прошептал я.

– О лучших условиях она мечтать не могла. И... у нее не было выбора.

– А ее люди? Как ты решила вопрос с четырьмя, если амнистий – три?

Я также собрался негодовать по поводу зря использованных возможностей, которые могли пригодиться в будущем, но улыбка Тома стала еще довольней, по ширине соревнуясь с чудным при тихой погоде гоголевским Днепром:

– Я предложила Грозне, чтобы троих она взяла мужьями. Разумеется, фиктивно. Поскольку она по титулу – войница,

брак с ней автоматически даст им достоинство воинов и спасет жизни. Они продолжают служить мне, но в ее отряде. По амнистии я взяла только четвертого.

Красиво, черт ее дери.

– Поздравляю.

Сказано было чуть не с завистью. Тома оценила.

– Спасибо. Новая воиница задала единственный вопрос: можно ли оставить имя Грозна? Я ответила, что не возражаю, но не знаю, нормально ли это с точки зрения правил и законов. Грозна пояснила, что сейчас решаю я, а затем, если понадобится, вопрос будет вынесен на усмотрение Верховной царицы.

Задумчивый взгляд Тома некоторое время изучал небо.

– Темнеет, – сказала она. – Надо возвращаться.

– Возвращайтесь. – Я даже не повернул лица. На нем все было написано крупным шрифтом.

После секундной паузы Тома объявила:

– Готовьте лагерь! Ночуем здесь.

– Нехорошие места, – пробурчал кто-то из бойников.

Интонацией он лишь донес мнение, возражать по-настоящему никто не осмелился.

Промедление меня не устраивало.

– Сколько идти до других развалин?

– Часа четыре, – сообщил Добрик.

– В какую сторону?

Он беспокойно оглянулся на Тому. Она заговорила сама:

– Ты не попадешь туда один среди ночи. Уверяю, если там кто-то есть, они тоже не уйдут в ночь. Дождись хотя бы рассвета. И поужинать надо, я должна заботиться о своих людях. Даже о тебе.

Как ни зудело в одном месте, пришлось согласиться. Мы начали обустраиваться. Одни рубили дрова для костра, другие тащили лапник и жерди для навеса. Я нетерпеливо ходил по лагерю и кусал губы.

Грозна со своими людьми расположились чуть поодаль, но ужин готовился один на всех. Над разгоравшимся костром водрузили котел на перекладине.

– Здесь есть озеро? – громко поинтересовалась Тома. – Воду для котла откуда брали?

– Там из земли ключ бьет. – Ближайший бойник указал на кусты под склонившимся деревом. – Озеро тоже есть, но в другой стороне, минут десять идти. Около озера место для привала лучше.

Он явно недолюбливал «нехорошие места», которыми кишели окрестности, но хорошими или плохими, как хорошо сформулировал Добрик, места делают люди. Если здесь вдруг обнаружится некая мистика, я удивлюсь. До сих пор мистика в моей жизни проявлялась только дома: пропадали из виду понадобившиеся мелочи или автобус постоянно уходил из под носа. Другие несообразности вполне объяснялись наукой. Кроме пути, которым мы попали в этот мир. Но и работе Святого причала рано или поздно найдется отгадка.

Тома придерживалась такого же мнения, но, будучи начальницей, народного недовольства без внимания не оставила.

– Чем место у озера лучше этого?

– Там по ночам на тот свет не зовут.

– С вами ангел, забыли? Если позовут, я отвечу. – Тома гневно стукнула ладонью по рукояти меча, восстанавливая порядок в умах. Вопрос решился, она вспомнила про озеро, с которого начала. – Добрик, можешь порекомендовать своей цариссе... хорошего мойщика?

Лицо дворецкого пошло цветными разводами, как забытый в пакете хлеб плесенью, но благоухало по-прежнему розами. Как умудряется? Какими-то духами пользуется? Честно говоря, в диком мире пота и прочего естества никому бы не помешало. Однажды обращусь за советом. Но не скоро. Сначала в образе brutального и вонючего мачо нужно мир перевернуть, а там посмотрим.

Зато на Тому ухищрения дворецкого действовали безотказно. Если во мне, как мужчине, она ценила ум и надежность, в Юлиане – красоту, простоту и любовь, то в лице Добрика жизнь подкинула ей игрушку, приятную во всех отношениях: красивую внешне, отменно пахнущую, обладавшую чудесной выдержкой и по приказу хозяйки готовую на все. Со времен кукол Томе ничего подобного в руки не попадалось, и ее пальцы вцепились (пока – виртуально) в новый объект.

Хорошо это или плохо? Зависит от отвечающего. Если взять нас четверых, то с разным отношением к происходящему счет был два-два: я и Юлиан новый выбор не одобряли, считая его опасным, Тома с дворецким придерживались противоположного мнения. Пока нет фактов, которые доказали бы правоту нашей половины, придется уважать чужой выбор. О том, что всю катавасию в попытке позлить и мелко укусить я устроил сам, вспоминать не хотелось.

– Трое из наших бойников в свое время имели честь мыть цариссу Варфоломею, – выдавил Добрик через силу. Чувствовалось, что вопрос о мойщиках вызвал в его душе бурю, и в глазах прокрутились невероятные клипы с высоким ограничением по возрасту. – Претензий к их умениям не возникло. А до цариссы Варфоломеи они мыли двух предыдущих владелиц Западной границы. Но если царисса Тома позволит... – Долгая вымученная пауза закончилась ожидаемым: – Я тоже владею подобным умением.

К чему интриганка и вела. Bravo. Тома деланно нахмурилась:

– И кого же ты мыл?

– Цариссу и старших дочек, но это было давно, затем только царевну Карину, пока она жила в башне. С тех пор ни разу мойкой не занимался, поэтому могу порекомендовать Бочара, он...

– Пойдем, рекомендатель.

Лицо Юлиана просто кричало: «А как же я?!»

«Милый, – виновато-успокаивающий взор Тома ответил обволакивающей любовью, что просто облизывала добротой и топила в нежности, – ты же все понимаешь. Я же не для себя, а чисто из соображений государственного значения».

«Понимаю». – Могучие плечи Юлиана поникли.

«Не я такая, жизнь такая», – продолжал оправдываться Томин взгляд, периодически скользя назад в проверке: следует ли за ней указанный персонаж государственного значения.

Я прихватил зверюг, о них просто-напросто забыли: Томе подарили новую куклу, а Юлиан всецело погрузился в мысли о главном. Главное побеждало, второстепенное рассеивалось или вынужденно отступало, и Юлиан смиренно шагал сзади, не забывая поглядывать по сторонам. Бойников, которые с удовольствием отправились бы с нами к озеру – подальше от чем-то неправильного по их мнению места – непререкаемый жест начальницы оставил на месте.

– Опасно! – попробовали настоять они.

При этом не уточнили для кого. Мол, понимайте как хотите, но нас желательно тоже взять.

– В мире все опасно, от всего не застрахуешься. Со мной будут невесторы, дворецкий и звери.

Грозна издали покачала головой, но вмешиваться не стала.

Озеро оказалось близко, Тома остановилась на кромке воды и раскинула руки. Юлиан с одной стороны и Добрик

с другой наперебой бросились разоблачать ее. Хмыкнув, я быстро покидал свои доспехи с прочей амуницией на пол и ухнул в ледяную жижу. Второй каскад брызг подняли Шарик с человолчицей, с довольным визгом ринувшиеся за мной.

Тома ничего не замечала, она блаженствовала. Быть цариссой оказалось сказочно, исполнение любых капризов восторгало и выдергивало из реальности, оставив там, за гранью, совесть и трезвомыслие.

Или... завидую? Непросто не замечать, как под четырьмя ладонями млеет запрокинувшая лицо Тома, как счастлива она, и как не менее счастливы ее добровольные слуги. Добрик был хорош, но рядом с таким красавцем, как Юлиан, у любого появится чувство неполноценности. Впрочем, у всех свои плюсы и свои минусы. Тома решила взять оптом.

Мы со зверьем уже обсыхали, а мытье цариссы только вышло на основную стадию. Некоторые действия заставили уважать знания дворецкого и интуицию Юлиана.

Легкий рык ударил по нервам: Пиявка и Шарик заволновались.

– Кого-то чуют. – Юлиан прислушался к собственным ощущениям. Трепещущие ноздри не выдали ничего существенного. – В лесу кто-то есть, но далеко. Проверить?

– Нет. – Тома с тревогой взгляделась во тьму. – Возвращаемся. Быстро.

Лагерь спокойно ждал нашего возвращения. Со спокойствием тут же покончили. Отправленные Томой трое бойни-

ков через полчаса вернулись ни с чем.

– Никого.

– Но кто-то был, – однозначно заявил Юлиан. – Если этот кто-то не следит за нами, то сам от нас прячется.

– Зачем за нами следить? – удивилась Тома.

– Забыла про покушения? – напомнил я, а Юлиан поддержал кивком.

– Их больше не будет.

– Сомневаюсь. Некоторые обещания даются специально, по принципу червяка на крючке.

Говоря это, я все же не верил, что слово, которое дала Зарина, может быть нарушено. Но я сам не выполнил условий, поставленных Томе, и отправился на поиски. Можно ли считать мои действия нарушением для применения крайних мер?

Зависит от. Если представить, что решение принимает Дорофей – почему нет?

Наплевать. Тот, кто следит (если именно следит, а не прячется, как здраво предположил Юлиан), не нападает. Значит, у него нет такого приказа.

Мы отужинали и разместились на ночлег. Тома нежилась между мной и своим парнем, не забывая кидать заинтересованные взоры в сторону расположившегося чуть поодаль дворецкого. Пора возвращать сестренку в реальность.

– Есть мысли, как выручить Шурика? – прошептал я.

– На месте разберемся, – отмахнулась Тома.

– Я бы поискал варианты заранее, – настаивал я.

Зря. Тома вжилась в роль правительницы – как дворянки столбовой, так и владычицы морской. И вообще.

– Шурик сам виноват. – Вместо поиска возможностей она стала обвинять. Самый худший способ решать проблемы. – Нечего было к чужим женщинам приставать. Одобряю местные законы насчет сестрации таких любителей клубнички.

Как любят говорить в фильмах, «мы ее теряем». До чего же местный вариант матриархата портит женское сознание. Я вновь зашептал:

– Лежа раненым в башне, не узнать местных законов так, как их преподали нам в школе. Может, Шурик просто хотел быть галантным. Или пошутил неудачно.

– Он пошутил, а нам теперь головой рисковать. Кстати, тоже вариант: подождать, пока сестрируют, и сам выйдет.

Я отвернулся. О чем говорить с женщиной, у которой шила в одном месте не хватает? Как с мужиком, когда у него что-то в том же роде.

– Шучу, – примирительно принеслось вслед.

– А тебе не приходило в голову, – вновь обернулся я, – что Шурика можно взять третьим невестором?

– Ни за что! – Тома нервно скосила глаза на дворецкого.

Добрик мирно посапывал, подложив ладони под щеку. Если сравнивать внешне, одессит проигрывал по всем статьям, но разве внешность для мужчины главное? К тому же, местный брак – это, как со мной, не на всю жизнь, а только до

возвращения домой, фиктивно.

– Подумай, ты отказываешься от лучшего выхода из всех возможных, – потянул я ту же ниточку. – Здесь нет сословных ограничений. Пусть Шурик числится крепостным, ты имеешь такое же право взять его в мужья, как и мастерового-дворецкого.

– Даже не думай об этом.

– Из-за Добрика? – И дернуло же меня сосватать сестренке дворцового очаровашку.

– Добрик ни при чем. Хотя нет, он тоже при чем, но не в этом контексте.

– Не понимаю.

– А зря.

На время мы замкнулись каждый в себе. Я перебрал все, что отыскалось в запасниках памяти. Все равно не понимаю. Если дело не в Добрике, не в заполненной нише третьего мужа – в чем же? Стесняется, что обзавелась полужверем-Юлианом? Или настолько свыклась с кандидатурой дворецкого, что теперь не хочет ломать возможной идиллии? Не собирается же Тома обрастать настоящими мужьями?

– Раньше Шурик тебе нравился, – сделал я еще одну попытку. – Ты даже целовала его.

Вот теперь воткнувшийся в меня взгляд сказал все.

– Именно! Пусть он теперь даже мысли не допускает, что я могу желать его в мужья.

А как иначе спасти человека? Неужели она не понимает?

Или... понимает? Если спасем Шурика, придется улетать, но сначала – собирать всех вместе, испытывать причал, рисковать всем: положением, жизнью...

Если не выручать Шурика, то у Тома будет не жизнь, а малина. И, как говорил Шурик, зачем ей тогда весь этот гембель?

– Спи. – Тома отвернулась от меня к Юлиану. – О Шурике поговорим позже.

– А не окажется слишком поздно?

– Спи, говорю.

Если она думает, что может мне приказывать, то дико ошибается.

– Мы не закончили.

Спина Тома содрогнулась от моего толчка. С другой стороны озадаченно и недобро выглянул Юлиан. Я продолжил:

– Если ты против того, чтобы Шурик стал невестором, потому что у тебя уже комплект, и вакансий вроде как нет, тогда я больше не невестор. Вытаскивайте Шурика без меня.

Томе пришлось обернуться.

– Как же Юлиан справится в одиночку? Он Шурика даже в лицо не знает.

– Теперь это не мое дело.

– Утро вечера мудренее, говорит народ. Давай поверим народу.

– Ошибаться могут все, в том числе целые народы. Если ты учила в школе историю, должна знать.

– Что же предлагаешь?

Уже ничего. Главное сказано, теперь пусть Тома обдумывает, смиряется и соглашается. Шурика можно вернуть только в ранге невестора.

– Красивых снов, – буркнул я.

И тут завывло. На бойниках, казалось, даже белые балахоны побелели.

– Вот, – прошептал один, – начинается.

– Что начинается? – строго спросил я.

Ну, воеет кто-то, и что? То ли зверь, то ли человек. Или что-то среднее. В ужасниках и не так воют, хотя там все происходит на экране, а здесь – в темноте и где-то под боком. Как я ни храбрился, а сердце екнуло.

– Сейчас чью-то душу заберут, – донесся дрожащий голос одного из бойников.

– Кто?

– Черти. Кто же еще.

Если черти, то не страшно. Я сам черт по местным понятиям. Значит, встречу с братьями по крови.

Юлиан неуверенно указал пальцем:

– Там.

Тома вжалась в землю, но меня больше интересовала реакция зверюг. Шарик с Пиявкой принюхались, после чего их напрягшиеся тела расслабились, и они спокойно продолжили спать дальше. Это заставило меня подняться.

– Не надо, – хором взмолились бойники. – Не тревожьте

чертей. Может, обойдется.

– Добрик, а ты что молчишь? – спросил я. – Нужно бояться нехороших мест?

– Их же не зря прозвали нехорошими. – Дворецкий опустил лицо.

– Что было с теми, кто не боялся?

– Кто ж знает, они ведь не возвращались.

– Ты лично таких знал?

– Лично нет.

– А кто знал?

Тишина.

– А рыкцари сюда не боялись ходить?

– Им в любом месте сам черт не брат.

Вот и ответ. Животные не боялись, разбойники тоже. Получалась пугалка для хороших людей, чтоб не мешали плохим в их делишках. Стоило подняться ветерку...

– Юлиан, пошли. – Я первым шагнул во тьму.

Жуткие завывания впереди продолжались. Юлиан освещал путь горячей палкой.

– Ты знаешь, кто или что это? – Кажется, он тоже трусил, но изо всех сил старался не показать.

– Звуковой эффект. Ты никогда не дул в горлышко бутылки?

– Куда?

– В свистульку. В палку с отверстием. Короче, нам надо найти дырку, в которой воеет ветер, и засыпать ее чем-то –

песком или землей.

– Ветер не может стонать, как человек.

– Поверь, он еще не то может. Пришли.

Юлиана ощутимо трясло, я отобрал у него лучину и сам двинулся на звук. Стоны и вой неслись с разных сторон. Пришлось постараться, находя гудящие впадины во вросших в землю развалинах. Некоторые отверстия показались рукотворными. Кто-то специально позаботился, чтобы здесь не ходили посторонние.

Закончив работу, мы отмылись в озере.

– Это вы? – с испугом раздалось при возвращении.

– Нет. Нас съели.

Исчезновение воющих звуков на Тому впечатления не произвело, она восприняла это как должное.

С места поднялась Грозна.

– В суеверия не верю, – сказала она, подойдя ближе, – сама не раз пользовалась ими для выживания, но в лесу происходит что-то для нас нехорошее.

Тома удивленно моргнула, а я уточнил:

– В чем оно, «что-то нехорошее», выражается?

– Какие-то передвижения. Уже давно, пару дней. Я не видела, но чувствую хребтом. Если б не умела чувствовать, давно кормила бы червей в волчьих выбросах. Раньше не сказала, потому что не была уверена. Сейчас я уверена – в лесу, кроме нас, кто-то есть.

– Насколько близко к нам?

Грозна пожала плечами:

– Вряд ли близко.

Тома поглядела на меня, затем на Юлиана. Я тихо радовался, но виду не подавал. Любой, кто скрывается, может оказаться тем, кто мне нужен. Или тем, кто выведет меня куда нужно. С разрешения Тома я задал Грозне вопрос:

– Кроме усиления дозора мы можем принять какие-то меры?

– До утра – вряд ли.

Тома поставила точку:

– Тогда всем красивых снов.

Глава 4

Через некоторое время я растолкал Добрика и приложил палец к губам:

– Чшш! Тихо. В какой стороне вторые развалины?

– Ночью нельзя!

– Напомнить, о чем тебя сейчас спросили?

Дворецкий моргнул и вздохнул.

– Туда. – Он нехотя указал в сторону гор. – Нужно идти на скалы, пока между двумя передними вершинами не скроется дальняя, тогда надо повернуть вправо и идти до озера. Оттуда – опять на горы, по правой стороне обойти непролазную чащу, и за низиной появится скрытая крепость.

– Спасибо. Спи. С Томой нашим разговором поделишься утром, а если решишь сделать это немедленно, то учти, что я невестор на особых условиях – если ты вдруг еще не заметил.

– Заметил, – угрюмо подтвердил дворецкий.

– Вот и молодец.

А у самого сердце сжалось: где заметил один, заметили и другие. Пришлось дополнить:

– Ведь я просто интересовался, куда мы двинемся завтра, правда?

Добрик просветлел: подсказанный выход из сложной ситуации выводил его из разряда соучастников.

Пиявка радостно завилыла кормой. Вот бы все мне так ра-

довались, как это безмозглое, но предельно верное создание.

– Зверюге по нужде надо, – сообщил я вскочившему дежурному бойнику. – Мы отойдем немного, чтобы вам утренний аппетит не портить.

Вопросов не возникло, часовой уселся на место.

Теперь нужно спешить. Минимум двое сейчас могут доложить хозяйке о моем уходе. Пусть даже о подозрениях на уход.

Пиявка бежала в ночи резво, я едва успевал находить опору в том месиве, которое человолчица пролетала с легкостью. Хоть сам на четвереньки становись.

Волки не встретились. Счастье. Или везение. Короче, судьба благоволила. Горы, чуть видные в куцем свете луны, медленно, но приближались, а дальняя вершина, о которой говорил проводник, постепенно пряталась. Если он не соврал, то скоро я буду на месте.

Озерцо обнаружилось на рассвете, а к конечной точке маршрута мы с Пиявкой выходили уже при ярком дневном солнце. Горы синели, закрывая горизонт, могучие деревья на их фоне казались расплодившимися муравьями. В окружении нескольких таких зеленых муравейников нашлось искомое. Как и древние строители, я бы тоже поставил крепость именно там – если свести окружающий лес, оттуда можно контролировать все окрестности вплоть до предгорий.

Закрыв глаза, я постарался представить, как меня вели среди ночи с мешком на голове. Спереди – горы, где-то спра-

ва – башня Западной границы, а деревня, где меня с таким позором поймали, по левую руку. Очень похоже. По соседней горе мы спускались с царевнами, уходя от погони. Имейся у меня бинокль, я разглядел бы даже лесочек, где мы с царевнами разбили лагерь.

Сейчас впереди не было заметно никаких движений и признаков чужого присутствия. Как и в лесу, несмотря на уверения Грозны. Как и в предыдущей скрытой крепости, где, между прочим, нас поймала в ловушку Грозна. Потому сначала нужно осмотреться, сделать пару кругов. Я ищу Зарину, но мало ли кто еще ищет кого-то. В подземелье, где в свое время держали меня с Юлианом, может оказаться кто угодно. Мне надо предусмотреть все и быть готовым к любой неожиданности.

Пиявка заволновалась.

– Ррр! – понеслось в обратную сторону, откуда я только что прибыл.

Меня догнала Тома? Очень своевременно. А то предчувствия у меня нехорошие.

Предчувствия не обманули. Волнение человолчицы переросло в страх, она попятилась. Волки?!

– Вверх! – приказал я.

Пинок подействовал надежнее слов. Я мигом взлетел за Пиявкой и уже с ветвей оглядел приближавшихся.

Не волки. И не Тома. Несколько человек умело и быстро шли по моему следу. Сквозь листву я насчитал четверых, но

могло быть больше. Все в крестьянской одежде, вооружение – мечи и копья. Гнуков нет, что порадовало.

Рано обрадовался. Из-под деревьев появился пятый, с гнуком в руках.

– Здесь! – одновременно вскинулись вверх руки трех следопытов.

Дерево окружили. Легкий свист призвал из лесу еще нескольких преследователей. Они вынырнули как из-под земли, и вся недавно пустая местность ожила и зашевелилась. Из кустарника на месте крепости появились еще люди. Не все направились сюда, большая часть бесшумно растеклась по округе, занимая удобные для обороны места. Многие держали в руках запрещенное оружие.

Под деревом велись тихие переговоры, голоса едва доносились. Трое показались знакомыми – редко встретишь вместе гулкого, картавого и шепелявого.

Пиявка жалобно рыкнула и заскулила. Ей не нравилась роль жертвы.

– С ним человолк!

– Это Чапа, цариссин невестор.

Правильно, вряд ли еще у кого-то есть свой человолк. А голос мне тоже знаком. Внизу – старый знакомый, Тихон. Он участвовал в набеге на комнату в башне. С ним были Немец, здоровяк и бывший раненый – троица мародеров с предгорий. И еще кто-то.

Тихон здесь, и, значит, мои поиски окончены.

– Мне нужна Зарина! – громко объявил я из ветвей.

– Она всем нужна.

– Срочное дело. Мне нужно увидеть ее прямо сейчас.

– А мне нушны шторофье и нофые шубы, и што?

Я проигнорировал Немца:

– Тихон, ты все видел и знаешь, как Зарина ко мне относится. У меня важное послание. Важнейшее. Дело жизни и смерти.

– Насчет последнего сейчас поможем, – высказался неизвестный с гнуком.

– Подожди. – Тихон предупреждающе поднял руку. – Пусть скажет, с какой вестью прибыл. И как нашел. Молодой цариссе запретили идти вдогонку.

Новый звук, похожий на стрекот цикад, пронесся над лесом. Это оказался сигнал. Люди с оружием попрятались в кустах, исчезая, как по мановению волшебной палочки. Те, кто поджидал меня внизу – тоже. Они рухнули в траву, копыа выставились в направлении леса, стрелки натянули тетивы. Обо мне забыли. Будь у меня дальнобойное оружие, расстрелял бы их сверху, как в тире. Правда, у меня есть праща на ноге, но чем она поможет на дереве, где нет ни камней, ни места, чтобы раскрутить? Вот же дурацкие правила, ограничивающие законопослушных людей в выборе оружия самозащиты. Преступник всегда пользуется не тем, что разрешено, а тем, что оптимально для выживания.

Со стороны, откуда я прибыл, доносился шум. Лошади.

Много. Через минуту сквозь листву мелькнул до боли знакомый флаг.

– Ловушка! – заорал я из ветвей. – Не подходите!

Пиявка шарахнулась от моего голоса и чуть не свалилась с ветви. Ее рычание подхватило мой ор, такой дуэт нельзя не услышать. Но копыта коней продолжали мерно топтать к центру ловушки. Они там что, с ума посходили?

– Тома! – снова крикнул я. – Здесь засада!

Тома слышала. И все засевшие в кустах слышали. Никто не сделал ни малейшей попытки заткнуть мне рот стрелой, вместо этого затаившееся воинство поднялось с замаскированных позиций.

– Смерть ради жизни! – хором гаркнули десятки глоток.

– За лучшую жизнь! – завершила Тома фразу, с которой на нее однажды покушался фанатик.

Я ничего не понимал.

– Приветствуем цариссу Тамару! – Мои недавние противники склонили головы.

– Приветствую доблестных воинов добра и света. – Поднятая ладонь остановила свиту, Тома спешила и в сопровождении Юлиана двинулась к нам.

У ее ног бежал учуявший подружку Шарик, на посторонних он внимания не обращал. То есть, угрозы от них он не чувствовал.

– Это ваш человек с человолком? – Тихон показал на скрывавшую меня крону дерева.

– Если с челвоолком, то без сомнений. – Тома повысила голос: – Чапа, спускайся, я сейчас все объясню.

– Желательно бы.

Я спрыгнул вместе с Пиявкой. Оружие перенаправилось на челвоолка, воины добра и света отпрянули. С большим трудом у них получилось опустить гнуки, клинки и копья.

Пиявка скалилась и огрызалась, я тоже был не в лучшем настроении.

– Что все это значит?

– У меня теперь собственная армия. – Тома приблизилась. Победная улыбка сияла на ее лице, глаза сверкали. – Теперь мы столько всего сможем!

Мы? Ну-ну.

Сзади Тому от всюду чудившихся ему покушений прикрыл Юлиан, а у ног Пиявка в дружеской возне сцепилась с Шариком. Из бывших противников встать близко осмелился только Тихон, к которому я не испытывал враждебности. Но где-то здесь должны обретаться Дорофей и ему подобные, кто неоднократно старался отправить меня и Тому на тот свет. Они теперь тоже в ее подчинении? А как насчет меня? Кто я теперь для них – командир, хотя бы младший, чужак-посторонний или соратник (почему-то хочется сказать – соучастник)?

– Сначала пусть скажут – Зарина здесь? – Я был готов кинуться на Тихона, если он снова уйдет от ответа.

Брошенный им на Тому взгляд дождался подтверждения

– можно отвечать. Как же быстро все переменялось. То убить жаждали всеми силами и средствами, даже ценой жизни, а теперь разрешения сказать спрашивают.

– У человека две ноги, две руки, но только одна голова, – проговорил Тихон. – Если головы тоже будет две, тело не выживет. Зарина передала власть и подтвердила законность новой цариссы. Ей ничего не оставалось, как уйти.

– Давно?

– Сразу же, прямо из башни. Никто не знает, куда.

– Даже Дорофей?

– Они ушли вместе.

Ответ просто убил.

Тома взялась тихо рассказывать, мешая мне утонуть в колоде с болью.

– Варфоломея создала тайную организацию, ее назвали Паутиной. Нечто вроде рыцарского ордена. Лучше сравнить с масонской ложей – сюда тоже не попасть без рекомендации, потом нужно делами доказать убеждения, пройти посвящение... – Тома слегка встряхнула меня, чтобы слушал внимательнее. – Лозунг сообщества – смерть ради жизни, за лучшую жизнь. Нынешняя жизнь не устраивает многих, но все молчат, ведь за инакомыслие – смерть.

– Ну да, если все равно умирать, то лучше с пользой, – скривился я, волей-неволей втягиваясь в разговор.

Тома улыбнулась сработавшей уловке, но ерничанья не приняла:

– Хотя бы ради счастья детей. Или детей их детей. Паутина работает не на сейчас, а на будущее.

– За счастливое будущее только что сражалась Деметрия. Принесло это кому-нибудь счастье?

– Власть нельзя свергать, ее нужно брать постепенно, – возразила Тома. – Интересы и планы у Деметрии были свои, у каждого отряда рыцарей – свои, у крестьян, которые поддержали восстание – тоже свои, совершенно другие. И некоторые царберы немало воды помутили в своих гарнизонах. У нас...

Надо же, «у нас». Быстро осваивается. У меня нашлись силы кисло ухмыльнуться.

– Каждый член ячейки, – продолжала Тома, – дает обет и присягает главе рода, создавшего и курирующего Паутину. Сейчас во главе оказалась я.

Заставить меня прочувствовать величие момента должна была долгая пауза, но эффект не получился. Я тупо глядел в землю, в отличие от Юлиана, который просто ахнул от услышанного. В его глазах Тома давно была царицей, а теперь стала богиней. Вот так, из ничего, в буквальном смысле из-под земли у нее появилось связанное клятвой и круговой порукой собственное войско.

Не дождавшись подобных восторгов от меня, Тома сказала:

– Отступники пошли не тем путем, у них был разброд в целях. Деметрия могла обмануть, прикрывшись ложными

обещаниями. У нас такое невозможно. Все завязано на одну семью, глава семьи – гарант всех договоренностей. Если человек падет в борьбе за счастье будущих поколений, его семье оказывают почести и переводят на лучшее положение, приближая к башне. Это стимул для остальных. Варфоломея и ее дочери всегда держали слово. Только наследник основательницы может возглавить Паутину, и сейчас это я.

Ожидаемого энтузиазма от меня Тома снова не дождалась. Повторный упор на предмете гордости вызвал у меня угрюмый оскал – я понимал, к чему приведет дальнейшее. В стране, где за каждой стенкой сидит по подслушивальщику и подглядывальщику, достаточно одному члену Паутины попасть в руки Верховной царицы, и на этом все кончится. Совсем все. Причем, всем.

А Тома все еще надеялась на мое понимание и поддержку. – Идея Паутины в том, что все равны, – вещала она с восторгом. – При равных правах тоже нужно следить за порядком, и мы создаем структуру, которая, когда придет время, обеспечит людям безопасность. Этому подчинено все. Отдать жизнь за главу организации – подвиг, за который семью поднимут на ступень выше. В Паутине несколько ступеней. Новые члены начинают с низшей, но, к примеру, подвиг павшего поднимает его близких, и его дети начнут с более высоких позиций. Паутина восстанавливала Зарину в правах, чтобы получить прежние возможности. Считалось, что только Зарина, как прямой потомок, может претендовать на ли-

дерство. Теперь все уладилось, права и обязанности гаранта перешли ко мне.

– Зарина сама сказала это?

– Да, – кивнула Тома. – В лесу, куда меня выводили, в присутствии большинства членов Паутины. Мне принесли присягу, и я стала обладательницей собственной невидимой армии с неописуемыми возможностями.

Меня интересовало другое.

– Куда могла уйти Зарина?

– Она не сказала. На прощание она просила не преследовать и не искать, чтобы не сделать хуже. Вместе с ней ушел Дорофей. Он слишком долго жил с дочерью Варфоломеи и меня, как приемную дочь, считал вероломной захватчицей. Теперь мне нужно подтвердить свое вознесение, поднимать по иерархии лучших членов организации и их близких и расширить Паутину на другие вотчины.

Позади послышался шум. Тома нервно обернулась:

– Что там?

– Ваш?

Несколько человек держали Добрика с заломленными назад руками. Красивая рубаха была порвана, лицо расцарапано, под глазом наливался синяк.

– Это мой дворецкий! Отпустите!

– Как скажете, царисса. – Державшие разжали руки, и Добрик смог выпрямиться, хотя не сразу. – Он пробирался к дороге.

– Добрик? – Тома посмотрела ему в глаза.

Дворецкий рухнул на колени:

– Простите! Я ваш – душой и телом, я жизнь отдам...

– Отдашь, – хмуро подтвердил Юлиан.

Острие его меча уперлось в спину дворецкого.

– Рассказывай, – приказала Тома.

– Я не мог поступить по-другому. – Голос Добрика сломался. – Я на службе у Верховной царицы. Мне приказали попасть в Паутину, но меня туда не брали, требовали только помогать.

– Ты все-таки помогал?! – У Тома дернулся глаз. – И в подземелье?! И врал мне прямо в лицо?!

– У меня был приказ. Ослушаться нельзя. Я мучился, я не мог придумать, как не нарушить обязательства и при этом не повредить Вам. Я люблю Вас, моя царисса!

У Тома навернулись слезы. Юлиан пнул Добрика:

– Сейчас последний шанс сказать правду. Рассказывай все.

– В крепости преподавали прослушивание и другие премудрости наблюдения, моя основная работа состояла именно в слежке. – Лицо Добрика поднялось к Томе в дикой мольбе. – Простите меня, я не мог сказать всего, не имел права, но делал все, чтобы не навредить. Верховная царица знала о покушениях, она знала, кто стоит за ними и кто все устроил. Тит и Чичан с семьями – в ее застенках, никто никуда не сбегал. Ваши разговоры я тоже слушал. Не все понимал, но

понял, что у вас есть какая-то тайна. Но я никому...

Брызнуло красным, из горла выше кадыка с хлюпом вышел клинок.

– Он тебя обманывал. – Юлиан вытер меч об юбку. – Предал. Ты опять могла простить. Такое прощать нельзя.

Тело дворецкого рухнуло к ногам ошалевшей Томи. Все застыли. Я перехватил торжествующий взгляд Юлиана. Что он ни говорил бы, а в действительности – воспользовался случаем, чтобы избавиться от конкурента. Я в некотором роде тоже конкурент. Когда брызнет у меня?

Странно, что Юлиан до сих пор не нашел способа разобраться со мной. Любопытно: он ждет подходящего момента или боится Томино гнева? Или я в очередной раз чего-то не знаю?

Вдали зацвиркали цикады.

– Тревога! – разнеслось по поляне.

Глава 5

Суета и движение заполнили пространство.

– Царберы! Бежим!

Бежать оказалось некуда. Всадники в желтых плащах несколькими рядами опоясали развалины крепости вместе с лесом вокруг. Сомкнутые ряды с выставленными копьями напоминали грабли, направленные в лицо. Внутри конного войска оказалась не только новая армия Тома, но и прежний отряд. Грозна вскочила, но меч остался в ножнах – одного взгляда ей хватило, чтобы не дергаться. Она гордо застыла на месте, легонько постукивая ладонью по рукояти.

– Всем сложить оружие и оставаться на местах!

Приказ исполнили беспрекословно. Даже Грозна, вздохнув, отбросила прощально звякнувший о землю клинок.

Тома, Юлиан и я тоже опустили наземь все, чем можно сражаться. Пиявку с Шариком мы уложили у ног – на коротких поводках, перехваченных почти у горла. Зверье порывивало, но тоже боялось происходящего. То ли наша нервозность передалась, то ли Пиявка с Шариком сами поняли, что с количеством недругов, которые нас окружили, не справиться даже любимым всемогущим хозяевам.

Дождавшись полного разоружения, в центр поляны вошли спешившиеся царберы – строгой колонной, ступая в ногу. Красиво. Весьма разительный контраст с нашей разно-

шерстной толпой.

Собрав оружие, царберы стали вязать заговорщиков. Все правильно. С точки зрения царицы, мы все – участники заговора с целью свержения законной власти. И попробуй возрази.

Царберы придерживались некоей системы. Начали они с «воинов добра и света», собирали их по всему лесу, как грибы, и выковыривали из подземелий. Связанных ставили на колени. Тому со свитой пока не трогали. Когда с лесными заговорщиками закончили, ряды щитов разошлись, чтобы получился узкий защищенный коридор. По нему к нам прошествовала Верховная царица собственной персоной.

Правительница остановилась неподалеку от Тома, в недосягаемости от зверья, которое могло кинуться, и от меня с Юлианом, поскольку теоретически мы тоже могли кинуться. Оставленное расстояние гарантировало, что любого, кто двинется с места, успеют несколько раз проткнуть, погромасать на кусочки и даже, возможно, пожарить.

– Здравствуй, юная царисса. Извини за спектакль. Ловля на живца опасна, но ты чрезвычайно удачлива. Я рискнула и не проиграла. И ты тоже. Потому что я прощу тебя, если все это, – рука в позолоченном доспехе описала круг, охвативший ряды связанных, – ничего для тебя не значит. Они боролись с установившимся порядком. Они – враги равновесия. Ты либо с ними, либо со мной. Выбирай.

Слова упали в благодатную почву. Без колебаний Тома

выбрала стан победителей. У меня же состояние было, будто вынули из морозилки и поставили в микроволновку.

Под трупом Добрика растекалась кровавая лужа, но до убитого теперь никому не было дела. Все, что произошло более минуты назад, превратилось в далекое прошлое.

Внимание царицы привлекли не мы, не наши звери, и даже не пойманная армия заговорщиков.

– Это та, о ком я думаю? – Царица не удержала изумления, увидев Грозну в Томиной свите. – Юная царисса, ты не перестаешь удивлять.

Грозна стояла, не шелохнувшись, не выказывая ни подобострастия, ни почтения. Но без дерзости. Она просто признавала за царицей высшее право решать.

Правительница быстро подавила эмоции, во взгляде вновь воцарились отстраненность и пустота.

– Царевна Есенина принята в семью и отныне является воительницей Тамариной, – со смесью гордости и опаски объявила Тома. – Она принесла мне присягу.

Некоторое время царица раздумывала. В конце концов, вопрос, который сейчас не был злободневным, она решила не поднимать. Понятно, это всегда успеется – в более спокойной обстановке. Если понадобится. А может, и не понадобится, так как один из выживших в кровавой мясорубке могучих врагов превратился в соратника. Что может быть лучше? И снова – Тома. Повод для новой легенды.

Царственная рука сотворила сигнальный жест, Томе под-

несли меч. Не тот, который отобрали. Новый был тоньше, изящнее, но длина не позволяла думать, что клинок легче. Царбер, долгое время державший его на вытянутых руках, уже прилагал усилия.

– Бери, – приказала царица. – Я знала, что рано или поздно они присягнут новой хозяйке. Без снабжения в лесу не выжить, а грабить они не стали бы из-за убеждений. Без сильной руки во власти у Паутины не было будущего, потому мы за тобой следили. – При взгляде на тело дворецкого у царицы вырвался легкий вздох. – Не были известны ни местонахождение базы, ни количество заговорщиков, ни состав и руководители. Другого пути взять всех разом не существовало. В деревнях еще остались информаторы, но без связи они ничего сделать не смогут. Вместо хвоста мы рубим голову, и, чтобы доказать, что твоя голова не должна слететь вместе с остальными, ты сама исполнишь приговор.

Колени Тома дрожали. О том, к чему идет дело, можно было догадаться, едва меч оказался у Тома в руках.

– Всех? – все же ужаснулась она.

Два ряда по несколько десятков человек, которые поклялись отдать ей свои жизни – они никак не думали, что нужный миг наступит так скоро.

– Через одного, – разрешила царица.

Ее глаза улыбались.

В годы Второй Мировой офицеры из самурайских фамилий таким способом казнили китайцев. Приговоренных

длинными рядами ставили на колени, и жертвы радовались легкому избавлению, подставляя шеи под острия офицерских катан. Возможно, и сейчас быстрая смерть спасет людей от кошмара допросов в застенках крепости.

Один раз с подобным испытанием Тома справилась – на коронации. Но здесь никто не опустил головы. Эти люди смерть презирали.

Многие лица были мне знакомы: Тихон, троица мародеров, лесной стрелок, от которого в первый раз мы услышали лозунг «Смерть ради жизни, за лучшую жизнь». Довелось ли им думать, что смерть настигнет их совсем по другому поводу? И вообще: думает ли кто-то о чем-то подобном, когда затевает ломку устоев родного государства?

Равновесие победило. Тома ступила на другую чашу весов, система выровнялась, и все, чем можно помочь недавним соратникам – сделать их смерть наиболее милосердной.

– Не убий, если это не враг, посягнувший на твою жизнь, семью и родину, – вдруг произнес Тихон, когда Тома подняла меч.

– Соблюдай закон! – громко напомнила царица другую заповедь. – И да не дрогнет твоя рука во исполнение закона, ведь закон справедлив, когда он выполняется – всегда и всеми, наперекор всему. Вот высшая мудрость. Исполни!

– Алле хвала! – с содроганием выкрикнула Тома и с размаху рубанула того, кто оказался ближе – первого с краю длинного ряда.

Мужчина вытаращил глаза, голова дернулась и, недорубленная, повисла на жутких ошметках. Тому затрясло, меч вывалился из рук. Ближайший царбер одним ударом прекратил мучения недоказанного.

– Достаточно, – довольно сказала царица. – Остальных допросим.

Тому подхватил Юлиан, я обнял обоих сзади.

– Я хотела как лучше... – Тома еле слышно всхлипнула.

Потекли слезы.

Верховная царица улыбалась.

– Всем скажем, что это ты нашла и покарала заговорщиков. Ты и твой невестор. – Пронзительный взор ударил мне в зрачки и пробился в мозг в поисках улики, явок, паролей. – Почему твой невестор так рвался сюда?

Хоррро-оший вопрос. У меня ответа не нашлось бы.

Тома подняла красное от слез лицо:

– Он не знал, что заговорщики собираются признать мою власть. Он хотел уничтожить угрожавшую своей цариссе опасность.

Верховная царица задумчиво поглядела на нее, затем вновь на меня, потом пронизывающий взор скользнул по Юлиану и вернулся к Томе.

– Ты веришь в интуицию?

У Томы даже глаза высохли.

– Да, – ответила она, стараясь сообразить, к чему ведет вопрос.

– Я не верю, но иногда прислушиваюсь. Что-то мне говорит, что от твоих долинных невесторов можно ждать неприятностей, а неприятности – это нарушения равновесия, за которое я несу личную ответственность. Потому пришло время разобраться с твоими невесторами. Чапа и Юлиан, подойдите.

Копья почти упирались в бока и грудь, когда мы с Юлианом, передав Томе поводки, медленно двинулись вперед. Нас подпустили близко, насколько позволяли меры безопасности. Остановившись на песчаной площадке, мы опустили головы. Не смотреть же царице в глаза. Могут принять за дерзость. А проблем у нас и без того хоть половником хлебай.

– Нарисуйте карту долины. – Царица указала нам под ноги.

Юлиан в таком деле не специалист, и я, упреждая вопрос, откуда мне известно про карты, спросил:

– Это как бы вид сверху?

– Именно.

В глазах царицы что-то пряталось.

– Сейчас нарисую, – выдал я то, что требовала ситуация. – Тома показывала, как рисуют карты.

– А ты показывал моему осведомителю. – Царственное лицо совершенно без эмоций указало на валявшийся труп. – За что вы его?

Очень хотелось сказать, что не мы, а заговорщики. Но их

допросят, и правда выяснится.

– Это я, – объявил Юлиан сокрушенно. – Почувствовал угрозу цариссе Томе, и вот. – Он совсем по-детски развел руками: дескать, не виноват, оно само разбилось.

Одна бровь царицы поднялась.

– Теперь я понимаю, почему ты выбрала в невесторы именно их, – сказала она Томе.

За время разговора я начертил ногой очертания двух груш, соприкасавшихся верхушками.

– Снаружи – горы, – начал я объяснение. – Посередине и в ближней части долины находятся два озера. Жилища – прямо внутри гор, вроде пещер, только обжитые. Правитель...ница живет посередине, в высоко расположенных комнатах, как в башне. Лес сохранился только в горах и у ближнего озера, остальное засажено садами и распаханно под поля.

Царица всмотрелась в карту.

– Озера, как понимаю, не чета нашим?

– Намного больше, – кивнул я. – Главное – не заходить далеко вглубь, там бывает очень глубоко. Вот если бы они текли, как Большая вода...

– Наслышана, как вы на Большой воде пожирателей прогнали. Хорошо придумали с человолками. Теперь придумайте, как вернуть население долины в лоно единой власти, желательно тоже без жертв.

Сердце екнуло. Начинается.

– Армию через гору не переправить. – Теперь я не прятал

взгляд, а смотрел прямо в лицо, от которого веяло смертельной опасностью. – Только один из многих переберется, и то, если будет без оружия, чтобы ничего не мешало и чтобы легче было цепляться за скалы.

– Сколько людей живет в долине?

– Много. Десятки десятков.

– Сколько воинов?

– Любой умеет обращаться с оружием.

Слово «мужчина» после «любой» я добавлять не стал. Так выглядело страшнее.

– Чем вооружены жители?

– Металла нет, в ходу каменные топоры, дубины, копья и гнуки со стрелами. У метательного оружия все наконечники тоже из обработанного камня.

Царица выудила главное:

– У вас в ходу запрещенное оружие? – В голосе лязгнули металлические нотки.

– С каменным наконечником оно не пробьет настоящих доспехов, а человолков, если сунутся, поражает издалека. Если его запретить, то всех съедят.

Верховная царица на секунду задумалась.

– Как в долине расположены гарнизоны?

– Какие гарнизоны? – Я позволил себе улыбнуться. – Каждый сам себе воин. Воевать не с кем, поэтому оружие почти не используется.

– Почти?

– Иногда человолчья стая забредает.

Объяснение царицу удовлетворило.

– Сколько в долине всадников, готовых достаточно быстро выступить против внешнего неприятеля? – продолжился допрос.

– Конницы нет вообще, так как нет коней, а также волков и других животных. Всех выбили задолго до нашего рождения.

– Как по-твоему, сколько войск и с каким вооружением необходимо, чтобы привести долину под руку истинной власти?

А сейчас нужно повертеться ужом на сковородке. Долинники должны выглядеть безопасным неагрессивным соседом, но с таким учетом, что завоевать их сложно, почти невозможно, а главное – не нужно.

– С нынешним отрядом, – я обвел рукой царскую охрану, – можно уничтожить всех бойцов долины, но тогда там вовсе не останется населения, и некого будет приводить под вашу руку. У защитников нет даже кожаной амуниции вроде рыцарской. Воин в доспехах пройдет сквозь вооруженных местных как сквозь туман, от каменного оружия защитит бронза, а местных от меча и копья ничего не спасет. Но главное: захотят ли покоренные подчиниться тому, кто начнет с убийства?

– Рассуждаешь правильно, это хорошо. Плохо, что рассуждаешь о том, что тебя не касается. Как у вас передают

сигнал опасности? К примеру, о тех же челвоолках.

– Дозорные разводят дымные костры.

– Дозорные есть везде, по всему периметру долины?

– По пи-ри-ме-тру? – Вряд ли в долине знали такое слово.

Нужно быть начеку.

– Я справшиваю – они расположены вдоль всей границы?

– Конечно.

– Зачем? – Взор царицы сказал: вот ты и попался, голубчик. – По твоим словам, проходимо только одно место на одной горе.

– Долинники не знают, где именно горы проходимы, они вообще не знают о проходимости, они считают, что челвоолки появляются волшебным образом, а стая подкрепляет эту веру, когда, попав на ту сторону, проходит в облаках по верху гор и потом спускается с разных сторон. Отряд, в котором были мы с Юлианом, нашел переход только потому, что преследовал стаю по пятам. А из всего отряда, повторю, выжили всего двое.

– Значит, переходить гору нужно в тумане облаков, когда не видно. Хорошо. Ответь еще на такой вопрос: можно ли обмануть дозорных, если развести костер в одном месте, а с войском в облаках зайти с другой?

Ей понравилось выражение «в облаках», она дважды повторила его, словно заклинание. Теперь мне предстояло как-то отговорить летать тех, кто рожден ползать.

Такой возможности мне не предоставили, царица обрати-

лась к Томе:

– Сейчас твои невесторы из неведомой долины отведут туда мою армию. – Вскинутая рука царицы остановила готовый сорваться вопрос. – Ты не пойдешь с ними. Не дело цариссы лазать по скалам, подставляясь под стрелы. Собственно, даже двое не нужны, лучше, если поведет один. Этот.

Взгляд-клинок резанул по живому. Меня внутренне содрогнуло, скрутило и выпотрошило, но другого и не подразумевалось. Кто, если не я? Юлиан-то отведет, но с каким результатом? В общем, даже хорошо, что я. Как бы мне от того ни было плохо.

Юлиан переглянулся с Томой. У нее на лице читалось облегчение.

– А чтобы твой дружок чего-то не отчебучил, когда окажется в родных краях, вы дождетесь его под присмотром десятки децибала Евпатия.

Один из царберов, отличавшийся от соратников более пышным султаном на шлеме и мечом, похожим на двуручный, сдержанно кивнул.

– Прости мое недоверие, но ты на моем месте разве не поступила бы так же? – Царица дружелюбно улыбнулась.

Глава 6

– Вот откуда она свалилась.

– Кто?

– Девка, у тела которой сидел парень. Тот, которого юная царисса на церемонии порезала.

Я понял, что царберы говорили о Хлысте. Ива сорвалась и погибла, а он спустился за ней и был схвачен. Чтоб они все отсюда грохнулись!

Над нами нависал уступ, состоявший из нескольких выдающихся вперед покатых карнизов. К нему вели почти отвесные стенки с трещинами и выпуклостями, за которые с трудом цеплялись пальцы. Ноги соскальзывали, из-под подошв сыпались мелкие камни, и казалось, что вслед неминуемо полетим и мы сами. Вершина была уже близко. Всего один хороший рывок, и глазам тех, кто доберется, откроется вид на долину. Но сил почти не осталось. «Глаза боятся, руки делают» – на протяжении многих часов это был единственный принцип, с помощью которого передвигалось звенящее бронзой воинство. Мы карабкались по казавшимся неприступными скалам, и вперед вело только знание, что обратного пути нет. Меня вел страх смерти, царберов – приказ, невыполнение которого тоже грозило смертью, причем позорной и предельно мучительной. Вот и получалось, что проще убиться самому, чем положиться на изощренную фанта-

зию царицы и сестричества.

Одно дело взбираться здесь в обличье тренированного ежедневной растяжкой человолка, чувствуя камень всей кожей, совсем другое – в полном доспехе и вооружении. Царберы несли мечи, копыя и огромные прямоугольные щиты, а их доспехи были не сравнимы с моими – никаких голых локтей или коленей, защита везде, причем защита абсолютная, не пробиваемая ни мечом, ни стрелой. Одна проблема: танки не созданы лазать по горам. А сопровождавшие меня двуногие танки выполняли дополнительную роль грузовиков, в любую секунду рисковавших превратиться в самосвалы – за плечами каждого висел мешок с вещами и провизией. То, что по земле возили лошади, здесь поднимали на своих плечах.

Меня лишним весом не нагрузили, но минимум три солдата всегда находились поблизости. Похоже, на той стороне меня вновь возведут в статус ровза (то есть, конечно, найдут некий аналогичный), и ошейник наденут, чтобы не сбежал. А по исполнению миссии – сожгут. Почему нет? Кто мешает?

– Видите уступ? – Вскинутый красный рукав командирши указал вверх. – Там сделаем остановку.

У солдат прибавилось сил. Всегда проще что-то сделать, если виден конец пути. Копать от забора до заката – неэффективно.

Ветер усиливался. Облака неслись над землей гораздо

выше нас, хорошая видимость позволяла разглядеть внизу воинство, возглавляемое Верховной царицей. Где-то среди них, окруженные царберами, остались Юлиан и Тома со всей разросшейся свитой. Если поход затянется, им предстоит стать настоящими пленниками. А если меня раскроют...

Неправильно. Экспедиция состоялась, и вместо «если» можно смело говорить «когда».

Лучше об этом не думать.

В долину отправили не армию, как грозились царица, а три десятка царберов. Их не выбрали из окружающих, а вызвали специальным сигналом. По зову прибыло отдельное соединение, вроде спецназа в обычных войсках. Представить страшно, что они умеют, если даже простых царберов никаким местным оружием не возьмешь. Теперь, иногда поглядывая на командира, они штурмовали гору в указанном мной направлении.

Возглавляла отряд святая сестра, она двигалась одной из первых. Сапожки из мягкой кожи хорошо держались на камнях, ножны с мечом постукивали, отпущенная на свободу накидка развевалась, впервые открыв для меня нижнее одеяние сестер. У сестры Вероники, как нам ее представили, кольчужные элементы защищали голову, грудь и часть спины, они прикрывали кожаную защиту, из-под которой выглядывала обычная тканевая одежда. Кольчуга, без сомнений, была стальной, как и меч сестры Вероники, потому что бронзовый клинок, будь он такой формы, просто не выпол-

нит свою функцию – спасти жизнь владельца и губить чужие. Поверьте мне, как усердному кузнечных дел подмастерью.

Сестре Веронике можно было дать лет двадцать, не больше. Командирские взгляд и голос совершенно не портили лица, которое с первой секунды внушало безграничное доверие. Обаяние сочилось из каждой черточкой, большие глаза одновременно требовали сдаться и звали на подвиги, а невообразимые ресницы работали опахалами, овеивая негой и вызывая неясное томление. В кино сестре Веронике доверили бы главные роли – играть искусительниц и совратительниц. Напарница главного героя, девушка Бонда, мечта поэта, да вообще любого мужика – вот такая она, сестра Вероника. Мэрилин Монро, только брюнетка. Собственно, Монро, когда звалась Нормой Джин, тоже блистала отнюдь не светлой шевелюрой. Но и символом женственности в то время не была. Сестра же Вероника была им в полной мере, о чем говорили неустанно зацеплявшиеся за ее достоинства взоры царберов.

Каменный уступ, указанный сестрой Вероникой как место привала, находился недалеко от вершины и состоял из нескольких выдающихся вперед покатых карнизов. Привал превратился в ночевку. На высоте ветер пронизывал неизвестным внизу холодом, люди ежились, но дисциплина оставалась отменной – на осыпающихся карнизах вырос пусть некультяпистый, но вполне жизнеспособный лагерь. Вместо

палаток сооружались небольшие навесы, в скалы вбивались бронзовые клинья с отверстиями, продетые в них веревки становились страховкой сидевшим на краю пропасти бойцам.

– Всем спать, – распорядилась сестра Вероника и села рядом со мной.

То ли чтоб не сбежал, то ли чтобы советоваться.

Советы молодой командирше не понадобились. Распределив часовых, она привязала себя к колышку с проушиной, свернулась калачиком и мгновенно отключилась.

Я тихо поднялся.

– Стоять! – Из закутанной фигуры вылетел тонкий клинок и замер у моей шеи.

– Я по надобности.

Взгляд замершего лица смягчился, испепеляющий огонь погас.

– По малой?

Я кивнул.

– Отвернись и делай. – Сестра Вероника снова закуталась. – С места не сходить.

– Как скажете.

Я не стал артачиться. Так же как ерепениться, хорохориться и выкобениваться. Или стал. Точное значение слова, которое я бессознательно употребил, мне неизвестно. Например, вместе со всеми реальными и виртуальными знакомыми я под словом «нелицеприятный» подразумевал что-то гадкое

и отвращающее, а любой филолог с удовольствием разъяснит, что правильное значение нелицеприятности – беспристрастность и справедливость. О, святые Яндекс и Гугл, как же трудно без вашего карманного всезнания.

Итак, без всякого артаченья и прочего выкобенивания я приступил к делу. Обрыв, конечно, это обрыв, да и то, что соседка вроде бы не смотрит (хотя – поди проверь) – это хорошо. А как объяснить боевой тетке, привыкшей к райским условиям низин, что справление малой нужды вблизи лежащего соседа и сильный ветер – понятия иногда совсем не совместимые? Ну и ладно, плевать, у меня приказ. Перед тем, как что-то сказать, нужно думать, а если отдается команда – тем более. Я только слегка повернулся, чтобы горячая струя летела куда угодно, только не на меня. И уже представлял анекдотический разговор, что просто обязан был состояться:

«Дождь?» – «Нет. Ветер».

Крутой ответ остался незадействованным. Выглянув, святая сестра поморщилась и снова свернулась в комок, обратившись в смесь личинки и мумии. Казавшаяся плотной накидка от холода не спасала, навес беспощадно трепало, а ночь только начиналась. Сестра Вероника сделала нужные выводы, и когда я закончил, и последовал новый приказ:

– Ложись со мной. Если попробуешь дотронуться до оружия или без разрешения подняться, скормлю волкам.

– Как скажете, – объявил я, соглашаясь сразу и без раздумий.

Опять приснопамятное: «Один индеец под одеялом замерзает, два индейца под одеялом не замерзают».

Едва я присоседился к жертве обстоятельств в лице морозов и меня, как жертва решила не выглядеть жертвой.

– Не так, – объявила она, разворачиваясь кл мне лицом.

Пришлось устроиться к ней спиной. Сзади меня словно обтекла и впитала мягкая губка, сверху накрыла и завернула накидка, и через несколько минут у нас синхронизировался теплообмен, обрадовавшийся новым мощностям.

А вот глаза лучше сразу закрыть, чтобы не выдерживать десятков завистливых взглядов. Но душа болела: зачем оставлять неподготовленных людей на морозе, если существует простое решение, только что подтвержденное практикой?

– Вообще-то, всем желательно сбиться в кучу, – громко сообщил я. – Здесь можно замерзнуть.

– Мы и так замерзли. – Сестра Вероника прижалась ко мне еще теснее.

– Я имею в виду – насмерть.

– Если кто-то заболит, у меня с собой есть средство против простуды. Но никто не заболит, царберы не зря всю жизнь тренируются.

Вот они какие, янычары страны башен. Даже не болеют. Худшим последствием холода мои спутники считают простуду, а о том, что замерзнуть можно насмерть, они еще не догадываются. Пусть будет как будет, ведь в порыве чело-

веколюбия я забыл главное: царберы идут к Малику, и чем меньше их окажется в дееспособном виде на той стороне горы, тем лучше. Эта мысль успокоила, и я уснул.

Ощущение, что меня душат, вырвало из сна. Я дернул-ся, но тут же получил пинка за чересчур резкое движение, а стиснутое тело сдавило будто клещами. Наша с командиршей поза за время сна не изменилась, только на бедре у меня теперь лежала перекинутая нога соседки, а на груди грелись обвившие руки. Нижняя рука больно давила на кадык. Я закашлялся, вытянул шею и обнаружил, что кроме нас никто не спит.

– Что это? – Голова проснувшейся от моего рывка сестры Вероники тоже поднялась.

Удивление на лице командирши быстро сменилось опасливым смятением. Ни святая сестра, ни царберы не понимали происходящего.

Как говорится, хоть стой, хоть падай.

– Обычный снег. – Я слизал с руки единственную доле-тевшую до меня снежинку. – В горах такое бывает.

– Он опасен?

– Это дождь, который замерз по дороге.

Всего несколько снежинок – а устроили такой переполох. Что будет, если с неба повалит по-настоящему?

Понудивлявшись, отряд снова улегся. На этот раз сестра Вероника доверила мне свой тыл.

– Смотри у меня! – последовала угроза, напоминавшая

о суровом наказании.

– Куда уж в таких условиях, – честно ответил я.

Поразмыслив над моими словами, святая сестра позволила себе улыбнуться.

– А ты не так прост.

– И вы не так просты.

Сказанное не было комплиментом, мои пальцы в этот миг ощупывали кольчугу – пришелицу из другого мира. Откуда здесь сталь и другие технологии?! Возможно, артефакты приносит секретная торговля с более развитой цивилизацией. Где она, такая цивилизация, может находиться: за горами, за морями, или в другом измерении? Хорошо, если существует еще один портал. Тогда почему кроме нескольких предметов другая цивилизация больше ничего не поставляет?

Стоп. Факт, что я чего-то не видел, не означает, что не видимого мной не существует.

– Неплохо держишься в присутствии старшей по полу, званию и положению, – донеслось в ответ на уже забытую фразу.

Хорошо, что сестра Вероника не добавила «и по возрасту». Ведь тоже правда, но меж стиснутых обстоятельствами представителей разных лагерей чувственности такое вслух не говорят. Даже здесь. Несмотря на весь феминистский выпендрез местных жительниц.

Мы укутались в позу сложенных ложек. Все углы идеально

сошлись со впадинами, плоскости большей частью сомкнулись, но для некоторых у меня не хватило объема – вдавленное стало плоским, остальное закруглялось передо мной невероятными холмами, не казавшимися настолько огромными, пока не очутились в пределах досягаемости. Я без стеснения обнял командиршу, она спокойно дожала меня к себе заведенными назад рукой и ногой. Против промозглого ветра, когда на ресницах образуется иней, лучше не придумать.

– Не боишься? – Судя по голосу сестры Вероники, она довольно улыбалась.

– Чего?

– Проблем.

– Все, что не убивает, делает нас сильнее, – парировал я старинной мудростью.

Для меня – старинной. Сестра Вероника некоторое время обсасывала в голове сказанное.

– Хорошо сказал, – наконец, кивнула она. – А если все-таки убивает?

– Не верю, что существует законный повод поступить со мной таким образом.

– Пока нет, но кто знает?

– Верховная царица назначила меня проводником. Чтобы избавиться от моего присутствия до окончания похода, вам понадобится очень уважительная причина. От меня такой причины не дождетесь.

Я уверен, что на языке соседки вертелось «Верховная царица далеко, а я здесь». Святая сестра показала, что владеть собой умеет.

– Еще разок ляпнешь что-нибудь двусмысленное, – сказала она, – и причина найдется.

На некоторое время мы затихли. В спину нестерпимо дуло, зато спереди у меня была большая мягкая грелка.

Не то, чтобы я нарывался, но интерес у меня был – не тот, что мог показаться святой сестре. Вряд ли еще доведется попасть в похожую ситуацию, и сейчас требовалось выпытать как можно больше секретов. При этом не выдать себя и не огрести из-за неправильного понимания.

– Какая интересная защита. – Я провел ладонью по гибкой кольчуге.

Накидка сейчас была сверху, над нами, и все скрываемые прежде тайны – вот они, впритык и даже ближе. Рассмотреть не рассмотришь, а пощупать можно рискнуть. Это же не приставание, а чисто профессиональный интерес.

Святая сестра не стала ни возмущаться, ни откидывать мою руку, просто остановила на одном месте, прижав ладонью. Вместо разговора о тайнах я получил следующее:

– Ты, случаем, не донжуган?

– А вы, случаем, не нарушительница семейного права? – Я процитировал: – «Ибо кто ляжет с невестором чужим, то оба да будут преданы смерти: мерзость сделали они, кровь их на них... Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим

осквернили себя народы, жившие до вас».

– Молодец, знаешь законы. Вношу три поправки.

– Поправки? Закон не может трактоваться, он должен исполняться, – попробовал я тягаться в знаниях с представительницей законотворческого сословия, – «всегда и всеми, наперекор всему, вот высшая мудрость».

– Умница. Только поправки я вношу не в закон, а в твою речь. Закон говорит о греховном восхождении на ложе, в нашем случае таковой умысел отсутствует.

– Вы уверены? А мне, когда прозвучал приказ возлечь с вами, показалось...

Вероника пихнула меня задом.

– Не дерзи.

Немного отведя бедра назад, я мстительно пнул ответно:

– И не думаю.

Сестра Вероника не ударила в грязь лицом, новый толчок могучей середины едва не выбросил меня в пропасть.

– А мне кажется... – начала она.

– Когда кажется... – я запнулся лишь на миг, – молиться надо!

От падения вниз меня спасли цепкие руки и страховка, но сердце громко колотилось. Вот и поговори с такой о всяком-разном. А говорить надо. Столько тайн рядом, и ни одна не раскрыта.

– Я молюсь, – серьезно ответила соседка. – «Я помогаю окружающим, ведь потом они помогут мне». Сейчас мы друг

другу помогаем, и о грехе не может идти речи. Если, конечно, один из нас не сотворит нечто неподобающее.

– Или скажет, – дополнил я.

– Или скажет, – согласилась сестра Вероника. – Вторая моя поправка как раз об этом. В законе сказано: «Не делай неправды на суде». То есть, не перевирай слова в свою пользу и не истолковывай обстоятельства исключительно на благо себе.

– По-моему, вы только этим и занимаетесь все время.

Сестра Вероника открыла рот для отповеди, задумчиво замерла на миг... и улыбнулась:

– Возможно. Прицепиться можно ко всему, и любое решение всегда кому-то на пользу, хочет того человек или нет. Если решение не на пользу никому – зачем оно тогда?

Логично. У меня даже не нашлось, что возразить.

– И третья поправка к твоей тираде, до которой мы, наконец, добрались – о том, что если вину докажут, смерти будут преданы оба. Я не хотела бы оказаться даже подозреваемой в подобном нарушении, а свидетелей у нас много. Отсюда вывод: лежать тихо, греть друг друга и не рыпаться.

– Поддерживаю целиком и полностью. Но поговорить-то можно?

– А мы чем занимаемся? – проворчала сестра Вероника.

– Ведем юридический диспут.

– Ну и выражения. От Томы нахватался?

Я прикусил язык.

– Вы не ответили о защите. На бронзу металл не похож. Что это?

Надежды не оправдались.

– Секрет. Служители Аллы-вседержительницы, да простит Она нас и примет, защищены ее словом и делом. То, что негодно для других, защищает нас лучше массивнейших из ваших доспехов.

Не на такой ответ я рассчитывал, но для завязки разговора пойдет.

– Разве меч не разрубит такую легкую сеточку? – снова закинул я удочку. – Или не сеточку, не пойму. Как она называется?

– В худшем случае – сомнет. – Вопрос о названии Вероника проигнорировала. – Нас даже стрела не берет. Мы под защитой высших сил.

– А ваш меч ее разрубит?

– Хватит вопросов. Разворачивайся обратно, задом ты не такой разговорчивый.

– Честно говоря, с трудом представляю разговорчивых задом.

– И не надо.

Меня вновь спеленали чужие конечности, а при попытке подать голос последовал окрик прямо в ухо:

– Спать!

Затем сзади послышалось едва слышной скороговоркой:

«Я отдаю мечты и поступки Алле-воспитательнице, да

простит Она нас и примет, я убираю пороки из жизни и мыслей...»

Глава 7

Казалось, я только начал дремать, как раздалось:

– Двое со мной, остальные на месте. За проводника отвечаете головами.

Поднявшаяся святая сестра с парой царберов размялись и полезли вверх. Должно быть, для разведки и чтобы подготовить путь для всех нас – стук молотков высоко над головами не смолкал очень долго.

С наступлением рассвета лагерь проснулся окончательно, но никто не поднялся. Слышались тихие переговоры, все ежились, кутались и даже завтракать не стали, решив дождаться ушедших.

Мли замерзшие пальцы еще ощущали сталь кольчуги. Жаль, что ничего не узнал. Впрочем, почему ничего? Теперь мне известно, что святые сестры тоже люди, а словами играют не хуже меня. Даже молодые. Что очень опасно. Учту на будущее.

Меня по самое горлышко (только другой стороной) окунуло в раздумья. Голова трещала, но ничего похожего на выход не наблюдалось. Пришельцев в долине не примут с распростертыми объятиями. В долине не верят в Аллу и не подозревают, что я их представитель. Меня знают как сбежавшего ровза, который, как и предшественник из преданий, вернулся, поскольку не успел зажариться до полнолуния, и теперь

собирается мстить. Я уверен, что меня попытаются зажарить еще раз, желательно со всей прибывшей компанией. Кто бы ни правил в долине – Вечный Фрист, взбунтовавшиеся хранители или добравшиеся туда рыкцари – мне не сдобровать в девятьсот девяносто девяти случаях из тысячи. Один шанс я оставляю на то, что судьба нос к носу столкнет меня с Маликом, после чего он каким-то образом сумеет справиться с тремя десятками танков современности и еще утихомирить окольчуженную женщину с клинком, при умелом обращении перерубающим любой известный меч.

Солнце указывало примерно на полдень, когда сверху посыпался мелкий камень, и появились святая естра с сопровождающими. Все были живы-здоровы.

– Все, как он сказал. – Сестра Вероника кивнула на меня, описывая результат рекогносцировки местности. – Далеко внизу видна площадка с водопадом, от нее есть спуск к лесу. Направо через лес можно выйти к озеру, прямо – к дороге, она вдоль полей ведет к изрытым жилищами горам. Слева – дремучие заросли. Думаю, по ним можно уйти вдоль горы и спуститься прямо к жилищам – как дождь на голову.

Я подал голос:

– Царица спрашивала меня, как обойтись без жертв, но ответа ждать не стала. Вас он тоже не интересует?

Сестра Вероника отрицательно мотнула головой:

– У меня есть приказ и конкретные инструкции, действовать будем по ним.

– Погибнет много людей, если просто вломиться с оружием и захватить власть силой.

– Мы не станем захватывать, если нас не принудят. Мы попросим.

Святая сестра отвернулась – разговор окончен.

Инструкции требовали переходить гору в густом тумане. На уступе мы провели трое суток. Никакие приметы не работали, природа не хотела нашего выступления. Облака смеялись над нами из неопишуемой вышины и упорно не желали снижаться. Мы мерзли, укутывались во все гнущееся и накрывались негнушимся, ели холодные припасы, поскольку принесенные с собой дрова закончились к концу второго дня. И вот – снизошло.

– Подъем! – раздалось среди очередной ночи, полной промозглой мути.

Рассвет еще не наступил, а мы уже карабкались по заранее вбитым клиньям. С соседом каждого связывала веревка. Заплечные мешки, избавившиеся от дров, воды и съестных припасов, теперь снова распухли, в них сложили часть доспехов и оружия. Навесы были оставлены на уступах – если их не унесет ветром, на обратном пути будет готовое убежище. Мне оружие не вернули, даже нож отобрали для надежности. В доспехах и шлеме я чувствовал себя глупо без оружия. Ледокол без винта. Сковородка без ручки. Такая защита разве что от некоторых камней спасет. Впрочем, они в горах частенько сваливаются – особенно, если выше тебя

взбирается еще несколько горе-альпинистов, которые о технике безопасности знали только понаслышке.

Сестра Вероника показывала путь. Миновав вершину, царберы облегченно выдохнули и тут же едва не заскулили – вопреки ожиданиям, спуск оказался ничуть не проще подъема. Подготовленного пути не существовало, шли наобум. Дважды раздавались грохот, звон и улетавшее вниз шуршание – сорвавшиеся обдирали руки, но не падали благодаря страховке. Они оставались внизу и готовили позиции для спуска остальных. Альпинистским опытом это не назовешь, а вот слаженности действий можно позавидовать. Когда облако, зацепившееся брюхом за вершину, снялось с крючка и улетело, мы приближались к площадке с водопадом.

– Туда идти нежелательно, – высказал я мнение, к которому, к моему удивлению, прислушались. – Там – удобное место для дозорных. Еда, вода, место для отдыха, обзор. Лучше сразу идти в лес, пока от водопада не увидели.

– Резонно. – Святая сестра обернулась к солдатам, облачившимся в полный комплект брони. – Здесь остается тройка Мамыки. Если в долине начнется заварушка, обойдите площадку снизу и с трех сторон занимайте ее. Возможно, противника уничтожить. Если же все нормально, мы вернемся без проблем и встретимся здесь, на этом месте.

Тройка солдат осталась, с остальными мы вошли в хилые заросли. С каждой минутой окружающая зелень становилась все выше и мощнее. Когда толщина деревьев позволи-

ла, сестра Вероника, отложив накидку и оружие, взобралась по одному из стволов под самую верхушку. Можно сказать, почти взлетела – словно тоже часть жизни в стае провела.

Я заморожено глядел на поблескивавший в траве меч. Тонкие ножны чуть изгибались, обмотанная кожей длинная рукоять годилась для обхватывания двумя ладонями. Передо мной лежал не меч, не сабля, а классическая катана, отличавшаяся от оригинала только типичной для местного оружия гардой.

Вот бы мне такой меч. С ним как с «Калашом» среди пи- столетов. Мечта. Увы, несбыточная. Хотя мысль схватить и убежать, если честно, не покидала долго.

– Ближайший дым далеко. – Спустившаяся сестра Ве- роника опоясалась моей мечтой и облачилась в привычное красное. – Сигналов о нашем прибытии нет – значит, все по- лучилось. Теперь нужно разделиться.

Вооруженный отряд почти в полном составе отправился в лес по левой стороне, остались пятеро: я, святая сестра и тройка царберов в полном вооружении – как символ непо- бедимой мощи, которая обрушится на непокорных, если они будут вести себя плохо. Я давно понял: плохо и хорошо – по- нятия относительные и легко перетекают друг в друга. Смот- ря как на них смотреть. Сильный, как правило, – всегда боль- ший правдолюб и демократ, чем слабый, поскольку у слабого нет возможности доказать обратное. Слабый всегда виноват, аксиома. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...»

– Им нужно время, чтобы уйти подальше.

Отправив отряд вдоль гор, оставшимся сестра Вероника дала время на отдых. Лучше всех отдохнул я, поскольку единственный не был занят тем, чтобы не спускать с себя глаз.

Тело отдохнуло, не спору, а душа тыкала в себя включенным паяльником: как обстоят дела в долине? Дошел ли Малик? Если да – кто теперь правит и как? А главное: на каком этапе меня уличат во лжи и линчуют? На той стороне гор все виделось иначе. Там казалось, что я обманул всех. Не стоило забывать совет одного из лучших специалистов в области лжи: можно всегда обманывать одного или некоторое время всех, но нельзя всегда обманывать всех. Вот и аукнулось.

Красная накидка ненадолго отлучилась в район ближайших кустов, между солдатами мгновенно завязался разговор – предельно тихий и столь же предельно предметный.

– Хороша. Жаль в сестриссы метит, не по зубам будет.

– Ничего, подрастут новенькие.

Хоть и матриархат, хоть и дисциплина, помноженная на менталитет, а в сугубо мужском коллективе все равно говорят о бабах.

– Как думаете, до посвящения Веронику в командировку отправят?

– Вряд ли.

На меня говорившие внимания не обращали, вернее, они решили, что после перехода я устал и отключился. Глаза у

меня были закрыты, но уши прекрасно расслышали вздох досады. Воин продолжил:

– Возвращение оторванной области в сестричество станет для нее лучшей рекомендацией, потому из кожи вон лезет.

– Как бы совсем не вылезла.

– Лучше бы из одежды.

– Быстрей бы нам в расположение вернуться.

– А ты уверен, что командировочные лучше Вероники окажутся?

– Как повезет. Когда по приказу Верховной стали изучать подъемы по скалам, мне в голову не могло прийти, что командиром поставят святую сестру, да еще такую. По ночам спать не могу.

– А ты инструкторш вспомни. Хоть и бывалые старушеницы, а никто с ними на стене не сравнился.

– Сам ты старушеница. В самом соку бабоньки. Кстати, за одну точно скажу – царисса. Мы как-то пересекались с ней на дороге.

– Не одна, а три, и это самое меньшее. Я в цекаде на воротах записывал и хорошо их запомнил, не раз и не два останавливались.

Разговор прервался. Легкие шаги сообщили, что сестра Вероника вернулась, рядом прошелестела накидка укладывавшейся наземь начальницы. Оказывается, рядом со мной – будущая сестрисса, и ее назначение зависит от успехов нашего предприятия.

– Спишь? – толкнув в плечо, поинтересовалась у меня командирша.

– Это имеет значение?

– Ты прав. Слушай сюда. Сейчас поведешь нас прямо к правительнице. Мы – переговорщики, официальные представители Верховной царицы и сестричества.

Ситуация меняется.

– «Переговорщики, официальные представители Верховной царицы и сестричества», – повторил я, – это включая меня?

– Ты и я. Остальные – охрана и прикрытие.

– То есть, мне заранее предназначалась роль не столько проводника, сколько местного жителя, готового убедить своих сдать без боя?

– Верховная царица всегда думает наперед, а тебя я посвящаю в планы по мере их продвижения. – Святая сестра поморщилась. – И «сдаться без боя» пахнет изменой, следи за словами. Ты на чьей стороне?

– На своей, – честно объявил я. – Я хочу счастья с любимой и не хочу ничьей крови – ни своих, какую бы сторону этим термином ни называли, ни чужих.

Честность Веронике понравилась, как и предельная логичность ответа.

– Не волнуйся, мы предложим простое и безболезненное решение. Если последует отказ – прольется кровь, твоя задача – не допустить бойни. Мы оба заинтересованы в одном

и том же, потому Верховная царица доверила миссию тебе, непроверенному человеку. Выдвигаемся.

Отряд из пяти человек поднялся. Теперь командовал я. Направление выбирать не приходилось – в сторону не увести при всем желании, уклон предгорья сразу вскроет обман. Вести вдоль озера с рыбосушильнями я тоже не решился. И корил себя за это. Единственная реальная возможность сбежать – броситься в озеро и уплыть. Жители страны башен не умеют плавать, а умели бы – все равно не догонят в своей броне. Если только по дну. Я бы часть доспехов и шлем успел скинуть на ходу, а с остальным как-нибудь разделался в воде. Или выплыл бы в остатках из простого желания выжить. Главное – отстегнуть нагрудник и наплечники.

Ну, уплыву, если смогу, что дальше? А Тома? А дядя Люсик, Шурик и, в конце концов, Юлиан?

И не дадут мне добраться до воды. Еще раньше либо на копыа поднимут, либо меня местные дозорные заметят.

– Назовешь меня посланницей Аллы-объединительницы, да простит Она нас и примет, представленной на Земле сестричеством и лично архисестриссой, – напутствовала между тем святая сестра.

Да хоть самим чертом, какая разница.

Я не вытерпел и задал давно мучавший вопрос:

– В долине к имени Аллы, да простит Она нас и примет, не добавляют определение. Позвольте спросить, как вы находите нужное из тысяч возможных?

– Не добавляют? – Сестра Вероника недовольно покачала головой. – Плохо. Это против традиции.

– Традиции устанавливаются людьми. В начале любого пути традиций нет, и когда наше племя оторвалось от вашего, традиции, наверное, были немного другими, или они изменились позже. Так как же вы даете определение?

– Вставляем то, что наиболее соответствует глубинным мыслям по поводу, о котором идет речь. Если подобрать точное определение почему-либо невозможно, мы используем любое из общеупотребительных. Умение приходит со временем, тогда прибавляемым определением ты сможешь сказать намного больше, чем говорят твои слова.

Приму к сведению.

Разговор велся громко, скрываться нет смысла. Теперь мы не враги, а посланцы. Я бы предложил поднять белый флаг, но не знал, известна ли в долине такая традиция. Без знака парламентаря из любых кустов в нас могут полететь стрелы, оттого я держался подальше от чащ, кущ и прочих дебрей. Никем не остановленные, мы дошли до окраины леса. Слева мелькнули знакомые сады. Сюда стая приходила за яблоками. А когда она помчались обратно...

– Опасность! – воскликнул один из царберов, взлетая в небеса.

Вот-вот, про это я и подумал.

Ринувшийся на подмогу второй воин тоже попал в ловушку.

Веревочные сети устанавливались против ровзов, на вес воина в доспехах они не рассчитаны. Плавно покачиваясь, деревья-рычаги стали сгибаться обратно, царберы снова коснулись земли, а их клинки порезали местные веревки как бумагу.

– Ты специально сюда завел?! – с мечом наперевес ринулся на меня первый освободившийся.

– Стоять! – остановила святая сестра. Поковыряв в моих глазах взглядом, она подытожила: – Мальчик не настолько глуп, чтобы надеяться на хлипкие путы. Человека с оружием такой сетью не поймает. Он не специально. Так ведь?

– Это от ровзов... тьфу, человолков. Здесь их зовут ровзами. Любой, кто умеет пользоваться руками, из сетей спокойно выберется.

Про то, что ему не дадут из них выбраться, я умолчал. Логика подсказывала, что при срабатывании ловушек в долину должен подаваться какой-то сигнал.

Сестра Вероника пришла к тому же выводу.

– Скоро к нам пожалуют гости. Оружие не вынимать, применять в крайнем случае. От стрел защищайтесь щитами, непробиваемость доспехов желательно не показывать. Говорить буду я.

– А мне чем защищаться? – напомнил я о себе.

– Ах да, в доспехах тебя никто не узнает. В какой одежде ходят в долине?

– В какой только не ходят, но я предпочту остаться в бро-

не, потому что здесь не любят пришельцев и сначала стреляют, а потом разговаривают.

– Хорошо, тогда говорить начнешь ты. Я подключусь в нужный момент. Твоя задача – убедить местных в нашем миролюбии до того, как мы кого-нибудь уьем.

Чудесная формулировка. Командирша даже мысли не допускает, что могут убить кого-то из нас. Если судить по толщине, количеству и, главное, качеству доспехов, то можно со стопроцентной уверенностью предположить кого.

– Эгегей! – раздалось сразу с нескольких сторон.

Нас брали в кольцо.

– Видать, плохо мы им в прошлый раз всыпали, еще захотелось, – донеслось из леса.

– Всыпали хорошо, но с голодухи и в огонь полезешь, если жареным пахнет.

– Жареным сейчас запахнет, это точно.

Голоса были веселые, нас принимали за ровзов. Я был прав, когда решил, что разгромленная стая улепетывала именно отсюда. Не верится, что туземцы справились одни. Раньше же не справлялись. Например, не справлялись потому, что не было стрел с металлическими наконечниками. Много чего не было. Теперь многое должно было появиться. А если не появилось... гм, тогда куда же делось? Не мог же весь отряд Малика свалиться в пропасть, как Ива.

Или мог?

Я с нетерпением ждал появления лиц. Если снова раскра-

шенные...

Накаркал. Из леса показались «левые»: черные лица, белые узоры. Несколько человек вышли на нас, размахивая руками, и встали, словно ломом огретые, на лицах застыл ужас.

– Твои? – осведомилась у меня сестра Вероника.

– Ну...

Вот и пришел мой северный пушной зверек. Туземцы в своих тряпочках на поясах и костяных бусах смотрелись чертями на пороге ада. Сейчас мне придется переступить порог.

– Вы кто? – обратились к нам. Тут же в сторону садов раздался крик-призыв: – Зуй!

Зуй?!

Из-за деревьев появился еще один человек. Именно Зуй – изрядно потрепанный, с новыми шрамами, с белым лицом и черными рисунками.

Ничего не понимаю. Левые с правыми в долине практически не пересекались, если только...

Да, если только. Чрезвычайные обстоятельства.

Зуй оказался начальником вышедших к нам долинников. Он внимательно осмотрел нас, особое впечатление произвели не доспехи и щиты, а личность командирши.

– Женщина? – удивился Зуй.

Нас держали на прицеле. Долинников было примерно два десятка. Если начнется схватка, три царбера даже устать не успеют – каменные наконечники, как и каменные топоры, смешны перед броней.

Каменные? У Зуя стрела блестела бронзовым наконечником! Что же произошло в долине?

Зуй меня не узнал. Еще бы. Он знал зверя, а тут человек. Напоминать не хотелось. Я наслаждался последними секундами жизни. Что и кто ни говорил бы, а жить – хорошо. Мне даже повезло. Будет что вспомнить, если за чертой что-то есть. В моменты вроде нынешнего нестерпимо хотелось, чтоб было.

– Чапа, объясни товарищу, кто мы, и пусть позовет кого-нибудь из начальниц. – Мне в бок прилетел тычок. – Заснул, что ли?

– Сестра Вероника является полномочной представительницей Верховной царицы, – начал я, изо всех сил желая закрыть глаза, чтобы все исчезло дурным сном.

Царберы прикрылись щитами, но мечей не обнажили. В ожидании, пока я договорю, святая сестра величественно сложила руки на груди. Туземцы нерешительно приблизились, во все глаза разглядывая диковинные одеяния и предметы.

– Она прибыла в сопровождении охраны и меня, как проводника, для переговоров о воссоединении наших...

– Малик идет! – закричали сзади.

Меня качнуло. Улетевшая душа вернулась, едва не опрокинув с наскака. К нам действительно спешил Малик – в своей разбойничьей амуниции, с мечом на боку и в штанах, что смотрелось дико для глаз, которые давно привыкли к иным

реалиям. Бритая лысина блестела на солнце ровным загаром, борода курчавилась, взгляд рыскал.

– Кто? – Гортанный окрик медом втек в уши и разлился по телу овеществленным счастьем. – Ровзы или люди?

– Какие-то переговорщики.

Туземцы расступились, и я чуть было не бросился навстречу приятелю. Заметив, что царберы с командиршей одновременно перевели взоры на новоприбывшего, я руками на миг сложил перед грудью крест запрета, затем приложил палец к губам, а глазами указал на святую сестру.

Вскипевшая радость на лице Малика сменилась пониманием.

– Переговорщики? – медленно проговорил он, затягивая время, понадобившееся ему на обдумывание.

– Сестра Вероника прибыла по поручению Верховной царицы и сестричества для переговоров с правительницей долины, – выпалил я.

Малик кивнул: ясно. С правительницей, так с правительницей. Хоть с чертом лысым.

– С какой пра...

– Приветствую высоких гостей, – перебил Малик недоумевавшего Зуя и сделал знак молчать. – Прошу извинить, но у меня нет приказа по поводу переговорщиков, а с нарушителями границы мы обращаемся жестко. Сейчас вы для нас в первую очередь нарушители. Вы же явились без приглашения?

Сестра Вероника подтвердила:

– Да, но мы пришли с миром.

– Нам война тоже не нужна. Чтобы как-то разрулить ситуацию, поступим так: ваши воины останутся здесь под прищотром наших ребят, а мы спустимся в долину.

Царберы зароптали, но святая сестра успокоила их:

– Все нормально, это предусмотрено. Ждите. Не вернемся до темноты – поступайте по своему усмотрению.

Интонация последних слов сказала «по заранее оговоренному плану».

Малик тоже понял, но лишь хмыкнул.

– Зуй, отойдите на дальность выстрела и не приближайтесь, в ближнем бою вам с ними не совладать. И... если не вернемся до темноты, поступайте по своему усмотрению. Используйте сети, валите камнями, роняйте на них подрубленные деревья, загоняйте в ямы с кольями или в огненные ловушки – вы из огня убежать успеете, а они, в своей броне, не смогут. Если дойдет до драки, нападайте на каждого одновременно с нескольких сторон. Пока они прикрывают щитом левую сторону, стреляйте справа в открытые части лица, и наоборот. Лицо – единственное уязвимое место, если вы не сцепились в рукопашной, а если дойдет до борьбы, в первую очередь снимайте с них броню, чтобы уровнять силы. С нарушителями границы не разговаривать, за любое слово кожу сдеру и съесть заставлю. Двое со мной, прикрывайте сзади. – Лицо с орлиным профилем обернулось к нам. – Пойдемте,

сестра. И ты... как тебя?

– Чапа, – с улыбкой представился я. – Теперь меня так зовут. Было время, когда я жил здесь, в долине, пока не попал к челоVOLкам. Гляжу, тут многое поменялось.

– Не представляешь, насколько.

От оставленных воинов и окруживших их туземцев нас отделяло уже достаточное расстояние. Святой сестре не понравился завязавшийся междусобойчик.

– Представьтесь, – потребовала она от Малика.

– Не собираюсь, пока правительница не разрешит.

Малик откровенно насмеялся, но святая сестра не понимала – она не знала ситуации и не догадывалась, с кем говорит. Для нее Малик был одним из войников или мужей кого-то приближенного к выдуманной правительнице. Если вспомнить о небольшом народонаселении и том, как туземцы слушались Малика, он мог быть приближенным правительницы.

– Мы идем прямо к ней? – вышагивая рядом со мной, осведомилась сестра Вероника.

Она попала в сложную ситуацию. Нужно не потерять лицо перед нижестоящими мужланами, но, будучи гостем на чужой земле, привычным способом, то есть приказами, уважения и подчинения не добьешься. В качестве способа восстановить привычный статус-кво святая сестра выбрала нахрапистое расспрашивание – собеседник ставился в положение подчиненного, который докладывает начальству.

Не тут-то было.

– На нашей земле вопросы задаем мы, – отсек Малик. – Не волнуйтесь, ваше достоинство никто не уронит. Его просто не заметят. Да и зачем оно тут кому-то нужно – такое? Юмор. Мы здесь все очень веселые ребята

Я чувствовал, что он изо всех сил придумывает, как разделить нас и выспросить у меня подробности. Любая оплошность приведет к жертвам, а жертвы потянут ниточку за гору и отразятся на Томе и возможностях вытащить Шурика.

Я думал о том же. Мозг трещал, но не выдал ничего умнее, как отпроситься в туалет. Мысль хорошая, но, в таком случае, лучше подождать, когда отойти в кустики приспичит сестре Веронике.

Фигушки, она сходила перед самым выходом.

Двое туземцев, шедших позади нас, не принимали участия в разговоре, он до них просто не долетал. Видимо, тонкости политических перипетий не касались сопровождающих, в их задачу входило не дать пришельцам натворить бед, если что-то пойдет не так. Все шло так, мы направлялись прямо во дворец. На вопрос, что случилось в долине, окружающее ответа не давало. В глаза бросалось единственное – частичное перемешивание левых долинников с правыми и оружие рыцарей в их руках. Оружие они могли отобрать или получить как союзники. Еще очень меня интересовало, почему долинники так слушаются Малика.

Сестра Вероника с любопытством оглядывала окрестно-

сти. Фотографический взор останавливался на каждой подробности, подмечал любую деталь.

– Пашете сами? Без лошадей?

Это она заметила туземцев в поле. Ровзов не было, местные жители справлялись сами.

– Лошадей у нас нет.

– И волков, вижу, не боитесь.

Святая сестра указала на работников, спокойно передвигавшихся попарно и даже поодиночке, что немислимо для ближнего загорья.

– Волков тоже нет.

– Но о лошадях и волках вы знаете. – Во взгляде Вероники сгустились тучи.

– Мы много чего знаем.

Ответ святую сестру, естественно, не удовлетворил. Она хмуро поглядывала на кожаный доспех Малика и бронзовое оружие. На меня вскинулся вопросительный взгляд. Я лишь развел руками: мол, сам ничего не понимаю.

На месте сестры Вероники я бы решил, что часть рыкцарей сумела пробиться в долину и как-то здесь устроилась. Например, они стали профессиональным наемным войском, вроде царберов, а в обмен на часть оружия получили какие-нибудь дополнительные бонусы и льготы.

Проемы каменных жилищ светились жизнью, исходили дымками, привлекали взгляды движением в глубине пещер. Прежде на холостой части такого не было. Иногда из про-

емов выглядывали лица, в том числе нераскрашенные. Иногда (совсем невероятно) – женские. Мост оказался на месте и закрыт, но часовой отсутствовал.

Святая сестра указала на бревенчатый частокол, мешавший пройти в обход моста в другую часть долины.

– От кого или от чего защищаетесь?

– От глупости.

На входе во дворец вместо двух краснобрюшников ныне дежурил рыцарь в привычном облачении. Опустив натянутый гнук, он сдержанно кивнул и посторонился. Сестра Вероника едва заметно склонила голову в ответ, гордо пронеся ее в темноту тоннелей. А я не был уверен, что часовой приветствовал именно ее. Малик, уходя в долину, назывался Маликом Носатым, главой рыцарей, которые перешли к нему от Кудеяра. Скорее всего, часовой – страж из его отряда, а на святых сестер ему плевать, если думать о них именно как о сестрах.

– Помыться с дороги не желаете? – осведомился Малик, когда мы проходили мимо купальни.

Взор сестры Вероники тоскливо остановился на мне.

– Благодарю, но не могу, – ответила она. – У меня приказ ни на секунду отпускать от себя проводника. Если внешние обстоятельства заставят нас разъединиться, я обязана убить его и любого, кто захочет помешать мне исполнить приказ. Приказы не обсуждают. Даже при угрозе собственной жизни и всей миссии, этот приказ я выполню в любом случае.

– Кажется, святая сестра забыла, что она не у себя дома. –
Малик нахмурился. – Мы своих не бросаем.

Я почти увидел, как к горлу спутницы потянулись невидимые щупальца угрозы и как гулкая пустота коридоров наполнилась опасностью, а воздух заискрился.

Руки Малика и сестры Вероники одновременно опустились на мечи.

– Чапа не ваш, в скором времени он станет царевичем и обретет положение, завидное для любого мужчины.

Малик с интересом глянул на меня, но свою линию гнуть не прекратил.

– Он наш по рождению, этого достаточно. Чапа, иди вперед.

Впервые я увидел применение катаны, пусть и оформленной в угоду местным вкусу и традиции. Выхваченный клинок со звоном встретился с тяжелым мечом Малика, оставив на нем глубокую зазубрину. Теперь испорченный клинок не восстановишь, остается только отправить его на перековку.

Верткости святой сестре было не занимать, но тяжелое оружие Малика тоже порхало мотыльком.

– Зря. В гостях так не поступают. Будь у вас добрые намерения, ваш меч остался бы в ножнах в любых обстоятельствах. Взять!

Готовясь защищаться, Вероника резко оглянулась. Приказ оказался уловкой. Малик провел неизвестный мне прием, и в одно движение противница оказалась с вывернутой

назад рукой, а сказочный по возможностям меч теперь валялся на полу.

– Чапа, подожди в главном зале, пока мы с гостьей закончим увлекательную беседу на тему этики.

– Хорошо. Но мы шли с миром, также хотели бы и вернуться. – Я двинулся по пустому тоннелю к светившемуся простору зала.

– Понял. – Малик надел на Веронику и стал вязать руки. – Буду предельно галантен.

Коридоры и сам зал оглушали непривычной пустотой. Ни правителя, ни охранителей. У трона стоял столик, обычно носимый служанками, на столике звала перекусить глиняная ваза с фруктами, рядом с вазой лежала покрытая воском дощечка для письма с палочкой-стилусом. Вот! Меня даже не заинтересовала подозрительная труба Фриста, поверх дощечки составлявшая компанию стилусу. Смахнув трубу в сторону, я лихорадочно писал:

«Считают, что я местный, взяли как проводника. Пришлось придумать, что страна башен и племя долины разъединились не так давно и что здесь тоже верят в Аллу со всеми придурями типа молитв и прочего. Нас послали мирно вернуть долину под власть царицы, иначе будет покорение силой. В лесу по левой стороне от гор еще двадцать четыре царбера. И в районе водопада трое. Чтобы подняться к перевалу, в камень вбили крючья, теперь попасть сюда в сто раз проще».

На последней фразе свободное место на дощечке кончилась, но все уже сказано. Не подписываться же.

– Вы скоро? – позвал я.

Своим возгласом я сообщал боевитой спутнице, что куда не сбежал и в тишине зала не веду ни с кем тайных переговоров, а Малику – что все понял и сделал.

– Наша гостья готова подождать здесь, в коридоре, – донесся веселый гортанный голос. – Я не возражаю.

– Тогда я подожду с ней для общего спокойствия.

Я гулко потопал обратно, а по пути не смог не глянуть в выведившее наружу достопамятное окно. Снаружи не было ничего интересного – ни свадеб, ни купаний, ни тренировки детей на живых мишенях. Прежняя жизнь канула в Лету.

Когда я вернулся к спеленутой в собственную накидку Веронике, то не сдержал улыбки. Святая сестра напоминала личинку-кокон гигантского насекомого. Бабочку без крыльев, попавшую в паутину. С ног до шеи ее опутывала веревка, словно колбаску, сверху торчала лишь злая растрепанная голова.

– Не развязывай, – предупредил Малик, уходя в зал.

– Спасибо, что вернулся, иначе мне пришлось бы идти на крайние меры. – В глазах святой сестры читалась благодарность. – Можешь надрезать веревки?

– Не надо нарываться. Нас приняли хорошо, зачем портить о себе впечатление?

Сестра Вероника извернулась червем, привалившись спи-

ной к стене. Из полусидячего положения она спросила:

– Меч здесь?

– Нет.

– Плохо. Надо забрать. Когда нас будут отбивать, без него не обойтись.

Меня прорвало:

– Какого ежа горбатого нас отбивать?! Все шло хорошо, нас привели во дворец...

– Хорошо?! – возмутилась Вероника. – Нас... Стоп. Говоришь – во дворец? Я думала, это застенки. Что там дальше по коридору?

– Тронный зал.

– Правительница долины ждет нас?!

– Сейчас там еще пусто.

Стало слышно, как вдалеке начали бегать люди. Малик о чем-то кратко распорядился, многочисленные шаги стихли. Малик тоже ушел. Теперь он, как я понимал, ориентировался в каменном лабиринте не хуже Вечного Фриста, только халата не надел. Но в стране башен он юбку тоже игнорировал, что не помешало ему стать командиром отряда. Что, если он – новый Фрист?

Оставалось ждать и надеяться на лучшее.

– Ты сказал – пусто. – Лицо святой сестры подозрительно напряглось.

– Кроме коридора, откуда мы шли, в тронный зал ведут еще три.

– Свет оттуда, из зала?

– Из окна. Когда мы подходили к горе, огромный проем бросался в глаза, он здесь единственный такого размера.

– Видела. Оттуда не выпрыгнуть, высоко.

Я вздохнул.

– Не надо никуда прыгать. Все идет замечательно.

– Предельно замечательно. – Сестра Вероника повела связанными плечами.

– Вы сами виноваты. Или у вас есть другой приказ, о котором не знаю? Если истинная цель похода – не та, о которой вы сказали...

– Приказов много, на все случаи, но цель одна – вернуть соседей в лоно истинной власти.

В зале вновь послышалось хождение. Властный женский голос отдал несколько приказов, к нам проследовали воины в рыцарском одеянии.

– Святая сестра может освободиться, ее ждут, – сообщили они, останавливаясь на безопасном расстоянии.

Правильно. У сестры выучка, с которой совладал только Малик, тоже где-то кем-то натренированный. Рыцари подобными навыками не обладали и, предупрежденные, держались подальше. Стрелы, наложенные на гнуки, подрагивали, глядя вниз, вскинуться и вылететь – дело мгновения.

Я помог сестре Веронике с веревками.

– Верните меч, – потребовала она, как только освободилась из пут.

В ответ раздался хохот:

– Возьмите там, где обронили. Если никто не подобрал.

Разве не слышали: что упало, то пропало.

– Вы за это ответите, – прошипела сестра Вероника.

Последнее, находясь рядом, услышал только я.

– Пожалуйте в тронный зал. – Рыкцари отступили и освободили проход. – Позвольте представить правительницу долины.

Последовал приглашающий жест, мы со святой сестрой одновременно шагнули в знакомое гигантское помещение. Ситуация изменилась. По углам снова стояла охрана, но вместо краснорожих зомби на нас обычными лицами пялились рыкцари с гнуками, служанки отсутствовали, а на троне восседала царица Деметрия.

Глава 8

Мы приблизились, насколько позволила охрана. Когда гнуки вскинулись, и раздался предупреждающий окрик, святая сестра встала как вкопанная. Что говорить о ней, если я тоже оцепенел с открытым ртом. В общем, ни «здрасьте», ни поклона, просто шок.

Царевна ничуть не изменилась. Те же осанка фонарного столба, узкая талия и широкие бедра, тот же снисходительный взгляд. И роскошные доспехи те же – работы кузнецов крепости или привезенные из иных краев, подобно моим ножу и щиту, оставленным на той стороне гор. Дорофей нагло врал, когда рассказывал о ее ранении, предводительница отступников, как говорится, цвела и пахла.

– Деметрия Великолепная! – с ухмылкой объявил ее Малик, стоя по правую руку.

Губы царевны добродушно растянулись в уголках:

– Здравствуйте, сестра Вероника, встречались. Как здоровье моей матушки, не хворает?

– Верховная царица чувствует себя прекрасно.

– Приятная новость.

– Думаю, Верховную царицу тоже обрадует, что ее дочь жива и неплохо устроилась. Как получилось, что глава отступников воссела на трон потерянной области?

– Не поверите – повезло. Шла по незнакомой местности,

устала как волк, дай, думаю, присяду, как раз по дороге стул нарисовался. Оказался тронем. Теперь – вот. – Царевна обвела руками зал.

Охрана едва сдерживала смех, святая сестра бурлила и готовилась взорваться. Если бы у нее не отобрали оружие...

Изогнутый стальной меч сестры Вероники занимал место на поясе Малика. Тяжеленный бронзовый ветеран, получивший в бою смертельное ранение, отправился в небытие. Что-то мне говорило, что обратно сестра своей прелести не получит. А нечего было махать где ни попадя.

– Что велела передать мама? – осведомилась царевна.

Святой сестре не нравились ни тон, ни личность собеседницы, но выбора не было.

– Верховная царица предлагает правительнице долины помощь во всем возможном и невозможном, дарует титул цариссы и настаивает на строительстве в долине истинного храма для молитв и утешения.

– Во главе с назначенной из-за гор сестриссой? Уж не с вами ли, сестра Вероника?

– Не мое дело решать за сестричество.

Бравая сестра всем видом выказывала отношение к правительнице, которую никак не ожидала увидеть на троне. Та, с которой воевали и ценой многих жертв победили, вновь обрела власть. И пользовалась.

– Вы пришли впятером?

В вопросе царевны только я видел подвох. Точная цифра

была написана на дощечке, которая исчезла вместе со столиком, Деметрия не могла не ознакомиться.

– Если посольство не принесет результата, сюда прибудет вся армия.

Царевна поморщилась:

– Сестра Вероника, прочистите уши. Повторяю: вы пришли впятером?

– Да.

Святая сестра глядела дерзко. Уйти от ответа второй раз означало признать, что не все чисто с ответом.

Царевна кивнула:

– Мы тоже отвечаем искренностью и прямоотой. Если с вашей стороны все честно, то племя долины принимает предложение со всей душой. Больше никаких войн, жертв и непонимания, это мечта каждого человека по обе стороны разделяющих гор. Стройте свой храм, сестра Вероника, я выделю людей и помогу с материалами. Теперь можете возвращаться и объявить о нашей дружбе.

– Пусть мне вернут меч, – потребовала Вероника, раставив под сыпавшимися свидетельствами успеха.

Деметрия покачала головой:

– Никто, находясь на нашей земле, не имеет права поднимать оружие на жителя долины. У вас, святая сестра, его должны были отобрать перед входом во дворец, но сделали исключение, надеясь, что человек подобных святости и положения не станет играть оружием смерти, как неразумное

дита. Вам полагалась немедленная казнь, но я прощаю. Мне не терпится воссоединить наши народы и восстановить отношения с мамой. Передайте, что я готова встретиться с ней на любой территории. Еще нужно назначить ответственно-го за выработку плана по полному слиянию. Наш уполномоченный может отправиться с вами и подтвердить договоренности. А сейчас прошу откусать с нами.

Хлопок царевниных рук напомнил Фристу, так же вызывавшего служанок с того же трона. И они явились. Некоторых я узнал. Не узнавалось только одеяние: вместо чувственной бахромы девушки облачились в полноценные отрезки ткани, как все женщины долины. Только раскраски не было.

Никак не пойму, что же здесь происходит. Куда делись прежний властитель и заместители? Почему вокруг меня такая сборная солянка из всего, что было, и при этом никто никого не убивает?

Перед нами и перед царевной установили по столику с фруктами и напитками.

– Представьте спутника, а то Малик говорит, что это наш житель.

– Любопытное имя – Малик. Весьма знакомое. А не тот ли Малик...

Надо же, наслышана. Теперь сестра Вероника до конца поняла, кто хозяин долины, и к кому она явилась с предложением о слиянии. Все произносимые слова остаются слова-

ми, пока их не подкрепят делами, а какие дела можно вести с разбойниками?

– Малик Носатый к вашим услугам, – представился по всей форме горбоносый приятель.

Святая сестра взяла себя в руки.

– Прибывшего со мной зовут Чапа, он проводник, и он действительно бывший житель долины, – чинно сообщила она.

В глазах царевны мелькнуло что-то, но узнавания не произошло. Во мне мало осталось от ангела и от Василисы Варфоломеиной. Ныне перед царевной стоял здоровенный лоб с короткой стрижкой, мускулистый, загорелый, с крепкими плечами и прямым взглядом.

– Тебя принудили? Хочешь остаться здесь? – донесся прямой вопрос царевны.

Святая сестра превратилась в камень.

Я развел руками:

– Теперь мое место по ту сторону гор.

– Любовь? – На лице Деметрии проявились понимание и сочувствие.

Я потупил взгляд. Даже один на один на такую тему говорить не люблю, а тут – во всеуслышание.

– Но что я ни делал бы, я никогда не сделаю ничего, что повредит родине. Впрочем, так же и той стороне.

– Спасибо за честность.

Деметрия переглянулась с Маликом. Вероника с облегче-

нием выдохнула. А я изо всех сил надеялся, что меня поняли правильно: произнесенные мной слова сказаны не столько из личного интереса, сколько из-за жизненно важных обстоятельств – то есть, если меня силой разлучат со спутницей, утрата доверия может кому-то стоить жизни на той стороне гор. Я видел, что Малик понял мою мысль. Он зашептался о чем-то с царевной.

В коридоре громынуло, затем звякнуло. Звуки множилось и быстро приближались. Столько металлического лязга и стука могли производить царберы, но звуков боя не доносилось. Непонятное выражение на лице сестры Вероники угасло. Я даже не понял, чего в нем было больше – надежды или страха.

Охрана натянула тетивы, Малик выдвинулся вперед.

– Аллах акбар! – донесся его радостный вопль.

– Что? – вскинулась сестра Вероника, в бессмысленном для себя выражении услышав нечто знакомое.

– Алле хвала! – с улыбкой «перевел» я, чтобы не подставлять ни друга, ни себя. – На другом языке. Вы в курсе о других языках?

– Естественно, – отозвалась сестра Вероника. – Иногда сходили ангелы, которые совершенно не владели общим.

– Не завидую их судьбе, – сказал вернувшийся Малик.

Он сразу втянулся разговор. Его глаза выдавали ликование, причиной которого был тот самый шум.

– Большинство из них гибли, но история знает и положи-

тельные примеры. – Вероника не отрывала от него взгляда. – Вы не женщина, значит, ангелом быть не можете. Вы черт? – Она резко обернулась к Деметрии: – А как же «Если я встречу падшего, я убью его»?

Будь мы за горой, последовало бы въедливое следствие, и покатила чья-то голова, а в долине религиозное рвение святой сестры власти не имело. От Малика донесся смех, а Деметрия ответила так, будто ребенку втолковывала очевидное:

– Помимо Того света на других языках разговаривают за пределами страны башен, вы должны быть в курсе о немцах среди пожирателей. Некоторые слова залетают в наш язык и со временем тоже становятся нашими.

– Слова, которые касаются сестричества, не могут заменяться другими!

– Только если вместе с сестричеством, – с намеком хмыкнул Малик.

Вслед за ним все оглянулись на входившую в зал процессию.

Несколько человек согнулись под тяжестью взваленных на спины мешков, при каждом шаге раздавалось кряхтение, а в мешках стучало и лязгало. Кроме мешков в тронный зал вносились и обычные вязанки доспехов и оружия, которые сваливали в большую кучу. Потребовалось несколько заходов, так много оказалось трофеев. В том, что принесли именно трофеи, сомнений не оставалось. Большие прямоуголь-

ные щиты однозначно выдавали бывших владельцев. Желтые накидки, составлявшие основу вязанок, тоже. Посчитать комплекты получилось не с первого раза, итог порадовал. Ровно тридцать.

Деметрия вопросительно глядела на святую сестру. Та бросила с вызовом и пренебрежительным превосходством:

– После боя у вас остались воины?

В тоне также сквозил фатализм. Честно говоря, он напрямую граничил с отчаянием. Впрочем, последнее сестра Вероника очень старалась не показывать.

Возглавлявший процессию рыцарь теперь стоял, подбоченившись, и ухмылялся в бороду. Деметрия кивнула, он рассказал:

– В поле царберам равных нет, никто не спорит. Победить можно только смекалкой. Их основной отряд занял круговую оборону в пещерообразной выемке, на прорыв они не шли, чего-то ждали. Сигнала, наверное. Или определенного времени. – Множество взглядов так придавили сестру Веронику, что она даже сторбилась. – Сверху камнями было не достать из-за скального карниза, только если всю скалу обрушить, а отколоть ее – дело многих дней. Но противник не учел удачные для нас перепад высоты и направление ветра. Повторюсь – с царберами никто не сравнится в поле, но горы – иное дело. В нужном месте мы подожгли снопы с полотняной травой и вскоре взяли всех. Мы не потеряли ни единого человека.

Ни одного!

Полотняной травой, как я понимаю, назвали сорт конопли, из которого туземцы Фриста изготавливали все – одежду, белье, веревки. Даже какую-то вкусность готовили, вымачивая, перетирая и с чем-то смешивая. Но конопля все же осталась коноплей, и сожженная в огромном количестве вместе с дымом выделила, видимо, что-то не совсем правильное. Думаю, сдавшихся царберов мучил не только дым. Или не мучил.

– К оставшимся двум тройкам тоже нужный подход нашелся, – самодовольно закончил рыкцарь.

Деметрия произнесла:

– Они пришли незваными, с оружием в руках и не подчинились приказам власти, которые действуют на этой земле. Что делают с такими пришельцами за горой?

Речь явно о пожирателях.

– Уничтожают, – завершила Деметрия, не дождавшись ответа. – Или изгоняют, если схватке враг предпочтет позорное бегство и успеет сбежать. Наши незваные гости не успели – значит, остается единственный вариант.

– Верховная царица не простит убийства своих солдат.

– Солдаты существуют, чтоб быть убитыми, это их работа. Послы-переговорщики, которые обманывают тех, с кем договариваются – тоже солдаты. Я казнила бы вас, сестра, не задумываясь, но война не нужна никому. Уходите, с обманщиками мы не ведем переговоров. Отныне любой, кто пере-

сечет горы без разрешения и с оружием, будет считаться врагом, а сам факт перехода – объявлением войны. За исполнением проследит специальный гарнизон, а гору со своей стороны мы сделаем непроходимой. Пойманные царберы останутся у нас заложниками. Их казнят в случае нового проникновения. Жаль, что вы пришли не с добром. Прощайте, сестра Вероника. Передавайте привет маме.

Малик шагнул вперед, еще несколько рыцарей оттеснили меня с посланницей и вслед за ним вывели в коридор.

– Верните меч, иначе я не уйду. – Сестра Вероника протянула руку.

Малик проговорил сквозь зубы:

– Пришедший с мечом от меча и погибнет, не слышали?

Идите, пока отпускают.

Посланницу вытолкали взащей без всякого уважения. Конвой из десятка человек почти на пятки наступал, сопровождая почти до самой вершины.

Перемолвиться с Маликом не удалось. Обидно. Ладно, вернуться с незапятнанной репутацией мне было важнее. Попрощавшись взглядом, я полез вверх.

Глава 9

Встречали нас как героев. Лагерь Верховной царицы бурлил, сестра Вероника прошествовала сразу к правительнице, уже выехавшей навстречу. Снизу нас стало видно пару часов назад, а выставленные почти от самой вершины часовые давно передали по цепочке сообщение. Времени на подготовку было достаточно.

Посланница что-то обсудила с царицей, после чего правительница объявила:

– Долина захвачена разбойниками, которые ушли от нас.

Вскоре прибыли Тома с Юлианом. Тома ликовала, Юлиан просто принял мое возвращение как должное. По знаку Верховной царицы стража раздвинулась, на мне повисли почти полцентнера радости и еще две его трети дружески врезали по плечу. Пиявки с Шариком не было, Тома тут же рассказала, что в специально сделанной клетке их отправили назад в башню – звери, как ей объяснили, сильно нервировали солдат. А по-моему, они делали Тому в лагере более значительной, чем сама Верховная царица, а какой правитель смирится с такой ситуацией?

– Интересно, откуда отступники узнали про долину? – продолжил царственный голос.

– Кто-то рассказал, – сестра Вероника озвучила намек. – Иначе зачем целой армии лезть по неприступным скалам на

собственную погибель?

Все взгляды сошлись на мне и Юлиане. Я словно на лежбище ежей поскользнулся или в стог иголок попал. Были бы, наверное, такие же ощущения.

– О долине знали пятнадцать царевен, а также их родственники и свиты! – возмутилась Тома. – Потом новость прокатилась по обслуге башни и по всем жителям Западной границы, а потом...

– Никто не спорит. Но почему ты так нервничаешь? – Царица улыбалась.

Доброй такую улыбку не назвать. Впрочем, и злой. Просто диким холодом повеяло.

– Надоело, что моих невесторов все время в чем-то подозревают.

– Большинство обвинений отныне развеяны. Именно твой невестор доказал на деле существование долины, и мы узнали, какую угрозу она таит. Он не остался там, хотя ему предлагали. Такой поступок дорогого стоит, можешь гордиться.

Тома показала, что гордится.

– Также мне не хотелось бы, чтобы остались недомолвки по поводу заговорщиков, – обратилась она к царице. – Хочется быть уверенной, что страница перевернута, а моя лояльность доказана. Если не так, скажите сразу.

– Тогда ответ для себя и для всех, громко, с полной ответственностью: ты на чьей стороне?

– На стороне закона! – выпалила Тома. – И да не дрогнет

моя рука во исполнение закона, ведь закон справедлив, когда он выполняется – всегда и всеми, наперекор всему, вот высшая мудрость. Да постигнет кара разрушителей и да возрадуются созидатели. И да воздастся справедливым. Алле хвала!

Взгляд царицы потеплел, насколько это возможно для столь высокопоставленной особы.

– Еще раз прости, что пришлось использовать тебя в качестве наживки. Мне доносили, что в стране создана неуловимая организация, но никто не мог выйти на ее главарей, пока ты не вселилась в башню.

– Титул цариссы мне дали только для того, чтобы поймать мятежников? – насупилась Тома.

Ее кидало из эмоции в эмоцию. Лишь бы не выкинуло.

– И для этого тоже, – спокойно сказала царица.

Она не видела причин что-либо скрывать. Чем лучше собеседница поймет ситуацию, тем честнее будут последующие отношения. Задача царицы – обезопасить царство. Со своей задачей она справлялась отлично. Тома не видела подводной части айсберга, но, оказывается, усиленно помогала. Все хорошо, что хорошо кончается. Только не стоит забывать: у наживки обычно печальная участь. В любом случае. Либо в чью-то пасть, либо в мусор.

– В качестве моральной компенсации прими новость, которая тебя обрадует. – Верховная царица покровительственно улыбнулась. – Я выдвинула тебя на соответствие назна-

ченной возможной приемницы.

Часть вторая. Соответствие

Глава 1

– Приготовления начались несколько дней назад, – говорила правительница, – и, как мне доложили, несколько часов назад закончены. Отправляемся.

– Прямо сейчас?!

У Тома горели глаза. Царица усмехнулась:

– У тебя есть дела более срочные?

Тома затрясла головой так, что та чуть не оторвалась:

– Нет, но все так неожиданно. А если б экспедиция не успела вернуться из долины?

– Экспедиция никак не соотносилась с проведением соответствия, просто сестре Веронике и твоему навестору пришлось бы дольше до нас добираться. А мне пришлось бы резко реагировать на новости. Я рада, что еду с легким сердцем – наши проблемы либо решены, либо по ним приняты необходимые меры.

Необходимые меры выразились в оставлении постоянного гарнизона в горах. Отныне путь через перевал закрыт. Как теперь попасть к Малику, а с ним – к причалу? Единственный вариант – с очередным посольством.

Нет, имелся вариант номер два: в составе армии вторже-

ния.

Сборы получились быстрыми, а путь неблизким. Место, которое Верховная царица определила для прохождения соответствия, по местным меркам было неподалеку – полтора дня пути с ночевкой в цекаде, где разместился только наш отряд в сопровождении нескольких приглядывавших царбе-ров. Где ночевала Верховная царица, осталось неизвестным. К следующему полудню нескончаемая процессия въехала на расположенный вдали от дорог холмистый пустырь в вотчине цариссы Дарьи. Когда-то, в незапамятные времена, здесь текли бурные реки, сейчас остались только зигзаги каньонов.

Школа отстраивалась тоже где-то в этом районе, но немного дальше. Мы остановились в другой части вотчины, ближе к бесхозной башне Причала и Западного леса. Или уже не бесхозной. Мне не докладывали.

На возвышенности стояли заранее выстроенные шатры царицы, их окружала стража. Рядом размещались гости. Судя по флагам, прибыли несколько царисс с семьями и свитами, также мелькало много красных накидок, одну из которых сопровождали с величайшим уважением и называли преосвященством. Стало быть, сестрисса. Когда мы случайно оказались рядом, я узнал в ней сестриссу Аркадию из храма земли Конных пастбищ, она присутствовала на моем с Томой удочерении. При ней по-прежнему состояла сестра первого чина Васса, некогда впервые поразившая не свойственным бронзовому веку оружием. Через некоторое вре-

мя к Аркадии присоединились две другие сестриссы – наша Устинья с Западной границы и еще одна, мне неизвестная, мелкая на фоне высоких сухопарых соратниц. Устинью сопровождал Панкратий, а третья сестрисса обходилась свитой нескольких ничем не примечательных сестер.

День выдался облачным. Это радовало, не будет слишком жарко. Ветер почти отсутствовал, его хватало только чтобы едва развевать флаги.

Для Верховной царицы в самом удобном месте водрузили переносной трон. Солнце светило ей в спину, неровности местности, куда явно придется добираться соискательницам, раскинулись внизу, как на ладони. По правую руку от трона установили скамью для сестрисс, по левую – такую же скамью для прибывших пяти царисс, сейчас что-то со смехом обсуждавших в своей компании. Из них я узнал только Дарью. Из остальных кто-то тоже мог попадаться на глаза после спасения царевен, кроме одной – молодой цариссы лет двадцати. Она глядела на Тому с вызовом и, переговорив с другими корононосицами, ушла к своей свите.

Тому на скамью не пригласили, видимо, из-за участия в состязаниях. Зрители в лице семей высокопоставленных гостей, а также их войниц и воиников с небольшим вкраплением бойничьих колпаков, расположились частью по бокам от скамей, частью по другую сторону открытой площадки. Там солнце слепило глаза, но когда соревнования переместятся вниз, под уклон, где сейчас что-то спешно доделывали, свет

мешать не будет или будет несильно. Зато от начальства далеко – это плюс, который, на мой взгляд, перевешивал минусы. Внизу проходило бывшее русло реки, которое просматривалось до дна – место скорых ристалищ, если судить по расположению скамей и направленности взглядов. В недалеком лесочке шумели кроны, вяло похлопывала на ветру натянутая ткань шатров, все это покрывал неразличимый в деталях гул множества разговоров.

Рука Верховной царицы приподнялась, и лишние звуки исчезли.

– Все знают, зачем мы здесь собрались, особых ритуалов не предусмотрено, поэтому не будем терять времени. Объявляю испытание на соответствие звания назначенной возможной преемницы Верховной царицы открытым. У нас три претендентки. Выйдите и представьтесь.

Первой вперед шагнула Тома. Ее шаг сломался, когда она увидела, как рядом пристраивается Варвара Дарына. Затем, протолкнувшись сквозь ряды зрителей, к ним присоединилась та молодая царисса, что издали нехорошо поглядывала на Тому. Я с Юлианом и Грозной, на которую косились и старались обходить стороной, оказались в стороне, но в первых рядах. Остальные, кто прибыл с нами, расположились позади, глядя на происходящее из второго эшелона.

– Это царисса Зоя, – услышал я чей-то разговор сбоку. – В прошлый раз Аглая отобрала у нее победу. Можно сказать, выцарапала.

– Хочет отыгаться.

– Мало у кого в жизни появляется второй шанс пройти соответствие.

– Почему новое устроили так спешно?

– Аглая ценой жизни спасла учениц школы, теперь нужно определить и назначить новую наследницу – на случай, если с царицей что-то случится.

– Это правильно.

Голоса утихли.

– Царисса Тамара, – громко назвала себя Тома.

– Царевна Варвара Дарьина, – выпалила вслед недавняя подружка.

– Царисса Зоя, – степенно объявила последняя.

Все претендентки были одеты в легкий доспех, из оружия – мечи, на голове шлемы. У Тома и Зои – с короной.

Царица вновь заговорила:

– В равной битве проиграть тому, кто тоже лучший, не стыдно, но напомним подробность, которую часто забывают: кто выбывает по собственному желанию или проваливает любое из состязаний с позором, тот теряет нынешний титул и привилегии.

Для некоторых напоминание оказалось неожиданностью, Юлиан нахмурился, я внутренне подобрался. По рядам зрителей пролетел и угас шепоток.

– Соответствие состоит из совместной и одиночной программ, а также делится на открытую и закрытую части. – Ца-

рица говорила сама, без глашатаев, словно соскучилась по живому общению. Почему нет? При ее затворничестве, когда даже в туалет без провожатых не сходишь, поговорить с народом должно быть радостью. – Часть, открытая зрителям, пройдет здесь на ваших глазах. Если у кого имеются возражения, обращения или дополнения по существу дела, прошу высказаться сейчас.

Открытую ладонь вскинула Зоя:

– У меня обращение.

– Разрешаю, – кивнула царица. – Говори.

Зоя обернулась к сестрицам:

– Царисса Тома не может претендовать на соответствие.

Верховная царица на помолвке выступала ее матерью. Дочь Верховной царицы не имеет права даже пробоваться на премницу, это незаконно.

Вот это поворот. Зрители принялись переглядываться, шушуканье усилилось так, что перекрыло завывание ветра в кронах и шатрах. От скамьи сестриц донесся начавшийся спор:

– То – дочь, а то...

– Отложить на рассмотрение Совета сестер?

– Думаю, да, придется собирать внеочередной Совет.

– При чем здесь Совет?

В пользу Тома выступала Устинья. Надо же, сестренка чем-то зацепила старушку. Хотя, какая она старушка, это только с моей точки зрения подростка. Пора привыкать, что

я уже тоже взрослый.

– Закон говорит о родных детях царицы, – продолжила Устинья защищать подопечную. – Здесь у нас ситуация иная. Назначенная возможная преемница, на которую сегодня проводится соответствие, в каком-то смысле тоже дочь Верховной царицы. Что же теперь, исключать всех преемниц из числа преемниц?

– Сестра Устинья, по духу закона вы абсолютно правы, но буква закона говорит обратное. На помолвку девушку ведет мать, то есть человек, который родил или удочерил, пусть только формально. В обоих случаях родственные отношения имеют место.

– Факта удочерения в зимописях нет! – настаивала Устинья. – Без доказательства факта письменным свидетельством факт не может признаваться фактом!

Обожаю такую логику. Особенно, когда она в мою пользу. Ну, в нашу.

– Ситуация ведет в тупик, – высказалась Аркадия. – Удочерения как официальной церемонии действительно не было, что неоспоримо. Как неоспоримо и то, что Верховная царица вела юную цариссу на помолвке вместо матери. Замкнутый круг. Необходимо рассмотрение Совета.

Повисла гнетущая тишина. Решение должно исходить из буквы закона, при этом не противоречить духу. Положению, в которое попали сестриссы и царица, не позавидуешь. Тем более, что до сих пор обстоятельства (в лице правительни-

цы) благоволили Томе. Будь это не так, всю нашу компашку казнили бы еще при разгроме Паутины. Или правдой может оказаться второе: Тома и мы, ее странные невесторы, нужны еще зачем-то, о чем не догадываемся. Тогда все еще хуже, чем кажется.

Устинья вновь взяла слово.

– Предлагаю компромисс. Совет рассмотрит сложившуюся ситуацию и вынесет решение на первом же заседании, а пока мы разрешим участие в испытании цариссе Тамаре на правах возможной претендентки на звание назначенной возможной преемницы. Если Совет отклонит ее кандидатуру, назначенной преемницей станет опередившая или следующая за ней претендентка, но Совет если выскажется за нее...

– Сестрисса обвела всех хитрым взглядом. – В таком случае все мы, здесь собравшиеся, можем оказаться в глубокой штольне, если не разрешим юной цариссе участвовать в испытании на соответствие.

Люблю серьезный подход. Тремя руками «за» сестриссы приняли решение за участие Тома. Верховная царица, бесстрастно наблюдавшая за прениями, объявила:

– Если других отводов нет, испытание на соответствие объявляю открытым. Первое задание простое: по сигналу за минуту нужно домчаться до конца площадки, где выставлены фамильные флаги претенденток, – рука царицы указала вдале, – и вернуться на место старта. Все понятно?

По завершении трех кивков царбер с желтым флагом ца-

рицы взмахнул полотнищем.

Три девушки помчались вперед. Тома вначале чуть отстала, не имея привычки к спуртам в доспехах, но ее ноги, прошедшие закалку в походах стаи, вспомнили многомесячную тренировку, и Тома начала набирать скорость.

Зоя вдруг споткнулась на ровном месте. Как раз, когда Тома пошла на обгон. Со стороны казалось, будто Тома толкнула соперницу. Видеоповторов еще не придумали, и зрители возмущенно загудели. На лице Верховной царицы блуждала загадочная улыбка.

Тома обернулась – соперница поднималась, растирая ушибленную ногу. Варвара умчалась далеко вперед, но состязание на соответствие должности – не выяснение, кто сильнее, выше, быстрее.

Тома остановилась.

– Помочь?

– Не надо, – буркнула Зоя.

Она оттолкнула предложенную руку и снова набрала скорость – вроде как прихрамывая, но словно бы нехотя, без огня в глазах и дыма в пятках. У меня создалось ощущение, что знатная соперница специально затягивает время. Или я такой мнительный и везде вижу подвох? Но Зоя уже участвовала в таком же состязании, ей известно если не все, то многое. Она о чем-то сосредоточенно думала, странная напряженность проступала на лице.

Варвара уже неслась к финишу, когда Зоя только развора-

чивалась вокруг знамени. Тома сначала ринулась вперед... но приостановилась. Дождавшись ковылявшую, словно для вида, конкурентку, она пошла рядом. Что-то поняла.

В тот миг я тоже понял. Зоя не думала о том, как быстрее выполнить задание, она просто считала про себя!

Варвара снисходительно глядела с финиша на бок о бок прибывших Тому и Зою. В момент пересечения черты царица подняла грубые песочные часы с полупрозрачным корпусом из чего-то мягкого. Именно в тот миг песочная струйка иссякла.

– Ровно за минуту, как было оговорено в условиях. Похвально. А быстроногой царевне Варваре нужно проявить больше внимания, если она собирается побеждать в дальнейших соревнованиях. Сейчас прошу конкурсанток занять место у полосы препятствий.

Глава 2

Полосой препятствий назвали петлявший каньон – русло давно высохшей узкой речки, в былые времена, по всей видимости, довольно бурной. Сейчас не было даже намека на влагу. Там, где стенки не были каменистыми, они осыпались песчаником, кое-где от обвала удерживали только разросшиеся корни кустарника и трава.

Старт обозначили желтым флагом царицы, о месте финиша можно только догадываться. Извивавшийся каньон проходил мимо площадки со зрителями, сверху виднелись некоторые из препятствий – например, деревянная стена из расколотых половинок бревен, прибитых к врытым по бокам столбам. По телевизору я видел тренировки десантников – как они лихо перемахивают такие стенки с помощью подручных средств и друг друга. У соперниц-соискательниц были только доспехи, оружие и мозги.

– Условие всего одно, – объявила царица. – Выйти с полосы препятствий до ее конца означает не пройти испытания. Пришедшая первой получит дополнительный балл, но оцениваться будет каждый этап, и не только в плане скорости. Готовы? Вперед!

Три девушки ринулись в овраг. Под ногами осыпалась земля, Тома даже съехала на попе последний участок, на пару метров опередив конкуренток, выбиравших, куда насту-

пить.

Первого препятствия соискательницы достигли почти одновременно. Хорошо видная нам сверху стена полностью перегородивала бывшее русло. Высота – под два человеческих роста, влезть можно только теоретически. Соперницы остановились, осматривая конструкцию. Каждое округлое полубревно удерживалось парами огромных гвоздей, вбитых в столбы, находившиеся по другую сторону от участниц. Ни руками, ни ногами зацепиться не за что. Можно пробраться сбоку от стены, если подкопать или осыпать породу на крутом склоне, но не завалит ли всех полностью, и сколько времени понадобится на земляные работы? Способ хороший, если другого не найдется. А он, другой и единственно правильный, наверняка есть, иначе начальство не глядело бы сверху с таким любопытством.

Варвара попыталась взобраться, используя цепкость пальцев, но чтобы получилось, требовалось родиться ящерицей с присосками на лапах или хотя бы обезьяной. Особенно мешал вес доспехов и оружия. Как бы Томе не пришло в голову перекинуть лишнее на ту сторону и вспомнить челоVOLЧЬЕ прошлое. С нее станется, даже невзирая на зрителей. Возникает главный вопрос: на каком этапе будет проведена черта между лишним и необходимым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.